

МИХАИЛ САДОВЯНУ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАХМАТ

МИХАИЛ САДОВЯНУ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАХМАТ

МИНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”
1997

УДК 859.0-93+087.5:794.1

ББК 84 (4Р)

С 14

Садовяну М.

С 14 Приключения шахмат — Мн. Універсітэцкае,
1997 —95 с

ISBN 985-09-0146-2.

Михаил Садовяну (1880—1961) — классик румынской национальной литературы — написал свыше ста произведений. В их числе романы, повести, рассказы.

В «Приключениях шахмат» в сказочной форме писатель рассказывает о зарождении шахмат, их распространении в Персии, Индии, Англии, Германии и других странах, о королях и королевах, принцах и принцессах, увлеченных шахматной игрой, о шахматном бесе, появившемся в Европе в XVIII веке.

Для младшего и среднего школьного возраста

ББК 84(4Р) + 75.581

ISBN 985-09-0146-2

© Д. Е. Дивин, оформление, 1997

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*содержащая рассказ о рождении
и первых подвигах нашего главного героя,
а также некоторые философские рассуждения
по этому поводу*

Жил-был некогда в Индии царь. И так как он взошел на отцовский престол в молодости и знал одни утехи в жизни, то считал, что народ и подвластная ему страна всего лишь игрушка в его руках. Советы мудрых царедворцев, страдания бедного люда не значили для него равным счетом ничего — единственным законом была его собственная воля. Не ведая, что правителю пристало добиваться любви своих подданных, он стремился, чтобы имя его внушало только страх. И в скором времени остался царь в своем великолепном дворце только с женами да рабами, шутами да льстивыми придворными и напала на него болезнь — великая печаль.

Желая помочь царю, мудрый брамин по имени Сиса отправился в пустыню и сто дней и ночей размышлял у источника в тени смоковницы, ища выход из создавшегося положения. Когда прошли эти сто дней, мудрец явился к царю.

— Преславный царь, — начал он с поклоном, — я принес тебе игру, называется шахматы, чтобы ты, овладев ею, исцелился от своего недуга. Вот доска, состоящая из шестидесяти четырех квадратных клеток двух цветов. По обе стороны усаживаются два игрока, каждый располагает в два ряда свои фигуры — короля, советников, конников и простых воинов. У одного их шестнадцать и у другого шестнадцать. У каждой фигуры свои движения и свои права, как и в твоём царстве. Передвигая по очереди фигуры, игроки стараются ослабить противное войско и уничтожить его.

— Что ж, все это очень занимательно, мудрый брамин, — ответил царь. — Научи меня этой игре.

Несколько дней учил его мудрый Сиса. Придворные тоже смотрели и учились. Все обрадовались, когда царь освободился от тягот своего недуга.

— Великий царь, — сказал Сиса, — изволь заметить, что в этой игре заложен мудрый смысл: правитель не может царствовать и вести войны без советников и войск. Эти советники и воины жертвуют жизнью ради своего повелителя. Без них царь бессилен, как все обыкновенные смертные.

Царь задумался над мудрыми словами брамина и согласился с ним.

— О мыслитель, — приветливо молвил он, — я должен вознаградить тебя за твоё поучение и особенно за подаренную игру. Проси, что хочешь, ты все получишь. Потребуешь драгоценностей и земельных угодий — они твои. Ты заслужил их.

— Господин, — ответил мудрец, — игре этой цены нет.

— Проси, чего хочешь, брамин. Я могу исполнить любую твою просьбу.

— Что ж, повелитель, прошу я одно зерно пшеницы за первую клетку шахматной доски, два — за вторую, четыре — за третью, восемь — за четвертую и так далее до последней, шестьдесят четвертой клетки. Кто в состоянии мне заплатить?

— Мой житничий даст тебе намного больше, — весело ответил царь. — Он насыплет тебе мерку самого отборного зерна.

— Великий государь, не гневайся на своего слугу, он всего лишь бедный брамин. Но мерки будет мало.

— Пусть дадут две мерки.

— Я бы осмелился предложить, о светлейший, славнейший и милостивейший царь, чтобы ты повелел своим казначеям подсчитать на папирусе. Пусть достанут перья и сделают расчеты. Ведь великий государь должен всегда поступать по справедливости и чести. Мне не надо ни одного лишнего зернышка сверх того, что положено.

— Что ж, будь по-твоему, — согласился царь.

Казначей принялись считать. Подсчитали, посмотрели друг на друга и стали пересчитывать. А житничьи между тем определили, сколько зерен входит в одну мерку.

Царь тем временем услаждался, играя в шахматы со своим брамином. В этой партии у него были явные шансы на успех.

— Ну что там у вас? — весело спросил он служителей.

Те опустили головы.

— Подсчитали?

— Подсчитали, великий царь.

— И что же вы узнали?

— Повелитель, мы не смеем показать тебе наши подсчеты. Позволь повторить их еще раз.

— Как? Что это значит? — нахмурился царь.— Вышло же какое-нибудь число?

— Вышло, светлый государь. Но само по себе оно ничего не говорит. Это двадцать цифр: 18 446 744 073 709 551 615. И когда мы подсчитали, сколько зерен уместается в одной мерке и проверили деление, то узнали самую удивительную вещь: за сто лет все Индийское царство не сможет найти столько зерна в своих житницах.

Царь почесал затылок.

А мудрый Сиса улыбнулся.

— Пусть все же подсчитают, идет ли речь о сотне или о тысяче лет.

Казначей побледнели, ибо суть этого числа поистине более чем удивительна.

Если государство выращивает ежегодно 300 000 вагонов зерна, то чтобы рассчитаться с брамином, потребовалось бы 280 000 лет. Чтобы оплатить такое количество зерна, следовало бы собрать с каждого из двух миллиардов жителей всей земли по 120 000 000 лей. Когда казначей объявили эту фантастическую сумму в ценностях того времени, великий царь схватился за голову.

— Что ж, смертные легки на суждения и обещания, — успокоил его брамин. — Если за невинную игру нельзя найти достойную плату, то смилуйся, великий царь, и подумай, какова цена жертвы.

— Ты прав, — ответил царь, поворачиваясь к шахматной доске. — Чей ход?

— Твоей светлости.

— Насколько я вижу, ты проиграл, мудрый философ.

— Я смею думать иначе, господин.

И действительно, потребовалось всего лишь несколько ходов, чтобы простой философ одержал верх над царем, что весьма опечалило и даже рассердило последнего. С той поры и повелось, что художники и книжники довольствуются обещаниями государей. Впрочем, плата, которой они достойны, значительно превосходит все возможности царей. С того же времени повелось и то, что ни один подданный не должен казаться ловчее или умнее своего господина. А коли он все-таки осмелится выиграть, то будь ему в награду обещаны хоть урожаи целых столетий, он должен довольствоваться тем, что сохранил голову на плечах.

Создатель шахмат так и остался бедняком. Его слава не имела ничего общего с областью материальных благ. Последователи его и поныне не имеют права играть в шахматы на деньги. Но мы должны славить благочестивого брамина не только за это. Распались царства, пришли в запустение города, возникли новые народы, сменились боги. А шахматы остались, ибо они — творение духа. Можно было бы утверждать, что они — наука, не будь в них столь много от игры. Но шахматы гораздо больше, чем просто игра. Я смею утверждать, что в игре древнего брамина содержались не только мудрые поучения для его времени, но и дальновидные предсказания.

Скромная пешка, упорно продвигающаяся вперед и достигающая восьмого поля, становится крупным сановником и этим подчеркивает значение личных качеств — а было это придумано в те времена, когда вельможи придерживались совершенно иной точки зрения.

Такая пешка всегда доставляет королю уйму неприятностей: царствующая особа вынуждена склонить голову перед выдающейся личностью.

А разве сам факт, что два игрока, сидящие за шахматной доской, располагают одинаковыми материальными ресурсами, не означает ли равенства во всех земных делах? Более того, не означает ли это, что неравенство возможно лишь в проявлении духа?

Согласно законам игры противники должны проявлять друг к другу терпение и добросердечие, не выказывать нетерпения, не произносить дурных слов, не выходить из себя. Итак, сдерживайте пагубные порывы, учит мудрый Сиса.

Сделав ход, не следует от него отказываться и предлагать другой. Сперва хорошенько подумай, а уж затем передвинь пешку или великоню совершить прыжок. Следовательно, учит Сиса, сначала подумай, а уж затем решай и оставайся постоянным в своих решениях.

Конь совершает самые причудливые прыжки. Иного от животного и ждать не приходится.

Советника, расположенного рядом с царской четой, одни называют шалым офицером, другие — епископом. И действительно, у безумцев в обычае хитрые ходы и косые взгляды, а духовные лица привыкли наносить удары исподтишка. Только цари пользуются подобными услугами. Для простых смертных они всегда губительны.

Ладья, означающая силу, передвигается прямо и наносит сокрушительные удары, но расположена она в наибольшем отдалении от короля, ибо венценосец должен прибегать к силе лишь тогда, когда все прочие средства исчерпаны.

Пешки стоят впереди. Это — простонародье, которое всегда гибнет первым.

Вся игра с постоянно повторяющейся в ней драмой предсказывает королям неизбежный конец.

Новые поколения — новые проблемы. Известно, что ни одна партия не повторяет другую. Итак, напоминает Сиса, учтите, книжники и ученые, что история повторяется лишь для поверхностного наблюдателя. У каждого мгновения истории свое неповторимое лицо, у каждой шахматной партии свое решение, своя неповторимая задача.

Но самый мудрый вывод состоит в том, что только духовные ценности долговечны. Шахматы и впрямь пережили царства. Но даже они, живущие в веках, не более чем игра и иллюзия.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой повествуется о персах
и шахе Хосрове,
о царе византийском Маврикии и, наконец,
о прославленном багдадском халифе
Харун ар-Рашиде
и его возлюбленном сыне ар-Амине*

Спустя некоторое время невесть каким чудом в Персидском царстве тоже объявился мудрый книжник. И долго размышлял он — не сто дней,

а сто недель, — стремясь постигнуть тайну могущества и возвышения Индийского государства. Земля и небо одинаковы по обеим сторонам гор, солнце и луна светят обоим государствам, в лесах бродят одни и те же звери. И тут и там люди делятся на бедных и богатых, господ и рабов. Почему же столь славны индийские цари и люд простой не ведает лишений? У индийских властелинов нет грозных войск — мечу они предпочитают мирное слово. Чем же объяснить, что народ Индии так возвысился среди других народов?

Решился, наконец, персидский мудрец и, переодевшись нищим, отправился в далекую священную Индию. На земле могучего шаха он изведal и гнев вельмож, и жадность чиновников. На реках не было мостов, в горах — дорог, разбойники напали на него и отняли бурку, всюду стонали бедняки, а близ городских стен маячили страшные виселицы.

Но стоило ему вступить в пределы Индии, как на обочинах дорог он увидел цветы и плодоносящие деревья. Дети играли у околиц, но никто не стрелял птиц из пращи, меж тем как в Персии это было приятнейшим детским занятием. И вереницы возов, возвращавшихся с полей, останавливались перед веселой ватагой детворы, и возницы ласково просили пропустить их.

Понял персидский мудрец, почему солнце светило тут ласковее, а поля выглядели счастливее. В Индии устанавливал порядок не меч палача, а сердце людское.

Вечером он остановился в буддийском монастыре, и брамины сердечно встретили его,

не спросив, кто он, откуда идет и куда путь держит. На вопрос старца, можно ли увидеть здешнего царя, ему ответили, что путь во дворец открыт всякому, кто сложит двадцать четыре строки во славу Всевышнего и предложит царю шахматную задачу. Конечно, стихи не должны напоминать творений тысяч других поэтов, живших здесь со дня основания царства, и спеть их надо с отменным мастерством. Что до шахматной задачи, то она тоже должна быть истинной жемчужиной. Если дар окажется достойным царя, вход к нему открыт.

Три года прожил мудрец в монастыре браминов, пока не научился тонкостям шахматной игры. А научившись, понял, что нет необходимости идти к царю. Игра эта и была ключом к тайне, которую он стремился познать.

— Благословите меня, святые отцы, — молвил он, прощаясь. — Теперь я знаю, в чем счастье моего повелителя и народов Персидского царства.

— Будь счастлив и благодари Всевышнего, — ответил настоятель. — Твоему царю подобает знать эту игру. Но мир настанет в его земле лишь тогда, когда играть в шахматы научится последний раб придворного портного.

Мудрец преклонил колена, потом встал и отправился ко двору своего повелителя Нуширвана, которого византийские ученые нарекли Хосровом Великим.

А когда подмастерья и рабы портного его величества шаха Хосрова научились играть в шахматы и мирно проводить досуг свой, задумались над тайной возвеличения Персии ученые книжники в других землях. Тогда-то и

явился ко двору Нуширвана-шаха византийский мудрец по имени Сергей и предложил свои услуги в качестве толмача.

И настал для Хосрова Великого час последнего прощания, что на персидском языке обозначается словом “мат”. Призвал он к себе любимого племянника и, коснувшись лба юноши рукой, сказал:

— Тебе быть царем, ты — самый достойный.

Так в лето 591 взошел на престол Хосров Младший. А вскоре против него поднял мятеж грозный визирь, предводитель недовольных. Молодой шах нашел приют в Византии, при дворе греческого императора Маврикия. Лицом пригожий, видом статный, он сразу же пришелся по сердцу дочери царя Марии. И вскоре юная шахиня привела в помощь любимому мужу византийские войска, и Хосров вернул себе престол. По словам летописца, дочери Маврикия и молодому персу достаточно было одного взгляда, чтобы понять друг друга. Переводчики тут были ни к чему. Но когда Хосров представал перед великим императором Маврикием и византийскими вельможами, толмачом служил Сергей. И стали прибывать из-за моря в Византию наборы прекрасных шахматных фигур из слоновой кости и драгоценных камней.

В скором времени император Маврикий был убит Фокасом, ибо портные его к тому времени еще не овладели шахматной игрой. В награду убийца получил византийский трон. Это обстоятельство крайне удивило Хосрова, и он незамедлительно повел свои войска на Фокаса. Область за областью завоевывал он в Малой

Азии, Армении и Египте и наконец поставил свой шатер на Халкедонской возвышенности, с которой хорошо видна была столица Византийского царства. Порой Нуширван играл здесь в шахматы под сенью платанов со своей супругой и с мудрецами. Великий казначей расставлял на доске фигуры: одни были выточены из рубинов, другие — из изумрудов. Самая скромная пешка, по словам тогдашних менял, стоила три тысячи золотых динаров.

Но такова уж мудрость божественной игры — порой выигрывает рубин, порой изумруд. Прошло некоторое время, и тайну шахмат узнали арабы. Поначалу они выигрывали только партии, а потом завоевали все Персидское царство. В 880 году нашего летосчисления великим шахматистом слыл знаменитый халиф Харун ар-Рашид, повелитель народов Востока.

Однажды Никифор, царь византийский, испытывая великую нужду в деньгах, послал ему письмо такого содержания:

“Императрица Ирина, вместо которой я Божьим изволением царствую ныне, почитала тебя, халиф Харун, сильнейшей шахматной фигурой, а себя — смиренной пешкой. И согласилась она платить тебе дань, когда на самом деле эту дань платить полагалось тебе, притом вдвое большую. Ныне царство наше освободилось от немошной бабьей власти, и я почитаю себя вправе требовать от тебя возвращения всего того, что ты получил от императрицы Ирины. А не повинуешься, заставлю мечом...”

Халиф Харун насупился и собственноручно начертал орлиным пером на обороте грамоты:

“Во имя Аллаха великого и милосердного, я, Харун, повелитель правоверных, Роману Никифору, собаке. Читал твое письмо, сын неверной. Ответа нашего ты не услышишь. Ты увидишь его”.

И царь Никифор вскоре увидел этот ответ: владения его в Азии подверглись опустошению, войска были разгромлены. Пришлось поспешно снаряжать навстречу халифу посольство с грамотой иного содержания. У стен Ираклии послы предстали перед ар-Рашидом: служители вели двести мулов, нагруженных положенной данью.

Ко времени указанных событий по всему свету гремела слава о могуществе западного короля, которого сам папа венчал на царство в Риме. И отправил император Карл, прозванный Великим, своих послов к не менее славному халифу ар-Рашиду. Прибыв в Багдад, послы, одетые в воинские доспехи, явились ко двору в окружении служителей. Это были четверо закованных в латы баронов. На шлемах развевались журавлиные перья. Бароны надменно вытянулись перед халифом: латы не позволяли им склонить головы.

Арабский толмач встал между ними и халифом и сказал следующее:

— Светлейший, солнцу подобный владыка, эти высокие, облаченные в железо воины утверждают, что посланы великим повелителем Запада, коего они именуют Карлом, и привез-

ли от него грамоту со словами дружелюбия. Вот эта грамота с тремя печатями. Из тысячи ученых мудрецов, сидящих вокруг тебя, девятьсот девяносто девять легко разберут ее содержание.

— Да славится имя Аллаха на тысяче языков,— молвил с улыбкой халиф, поглаживая бороду. — Пусть гости войдут в дом дружелюбия. Они найдут в нем баню, чтобы очиститься от пыли, и сладкие напитки, проясняющие взор.

Услышав такую речь, господа бароны проворботали в ответ полагающиеся, по их мнению, слова. Один из них протянул грамоту, которую держал рукой в железной перчатке.

Затем рабы в шелковых одеждах проводили гостей в покои. Рыцари немало удивились при виде дивных садов и зданий, напоминавших мраморные цветы. Удивились они и тому, что рабы свободно говорят на их родном наречии. Наконец, они вошли в баню и, очутившись в облаке жаркого пара, пали духом, вообразив, что халиф приказал таким способом умертвить их. Призвав служителей, они потребовали оружие, чтобы дорого продать свою жизнь. Но тут черные рабы окатили их студеной водой, члены сковала сладкая истома, и рыцари успокоились.

Натянув легкие одежды, они вышли под арки внутреннего двора; у фонтана приветливо встретил их великий халиф. Он осведомился через толмача, довольны ли послы, и те ответили, что довольны. Потом он спросил, чем занимается его друг — император Карл, и они ответили: сидит на троне и повелевает, а как сойдет с трона, садится на коня

и отправляется с войсками на очередную войну.

Халифу такой ответ понравился.

— Я вижу, — заметил он смеясь, — что у моего друга, великого Карла, добрые воины и грозные мечи.

— Ого! — заносчиво вскричал барон Энгингард, потрясая бородой. — Тяжесть меча нашего короля хорошо знакома европейским владыкам. Даст Бог, узнают ее и в других частях света. Если пожелаешь, великий халиф, мы покажем тебе дива достойную вещь.

— Что ж, посмотрим, — благосклонно согласился халиф.

Тогда барон, набычив шею, крикнул слугам, чтобы ему принесли большой меч, тот, что можно поднять лишь двумя руками.

— Сейчас ты увидишь, великий халиф, как я одним ударом снесу это дерево, толщиной с ногу твоего величества.

— Нет, нет! — поспешно возразил ар-Рашид. — Я не желаю видеть этого, ибо дерево сие — хурма, и посадил ее еще мой отец. Меня тогда и на свете не было. А когда она волей Аллаха зацветет, не будет на свете и детей моих внуков. Так что польза от косточки, посаженной человеком из любви к ближнему, скажется лишь в седьмом поколении. Пусть рыцари покажут свою мощь каким-нибудь иным образом.

— Хорошо, — согласился барон. — Тогда я ударю этот камень у фонтана и рассеку его надвое.

— Это можно, — кивнул халиф. — Вместо этого куска мрамора мастера высекут другой.

Благородный Энгингард взмахнул мечом с такой силой, что воздух засвистел. Посыпались искры от удара — мраморная глыба была рассечена надвое.

— Счастлив властелин, которому служат такие руки и такие мечи, — заметил халиф.

Потом, погладив бороду, улыбнулся и хлопнул в ладоши.

— Позвать моего возлюбленного сына ар-Амина, — распорядился он. — И пусть захватит свою саблю.

Тут же перед ним предстал стройный юноша с большими женскими глазами и тонко очерченными бровями. Он был в желтых шароварах, голубом жилете и розовых башмаках. Тюрбан из тонкого шелка был того же цвета, что и обувь. У пояса на золотой цепочке висела маленькая сабля в усыпанных драгоценными камнями ножнах.

— Ар-Амин, — сказал халиф, — покажи западным витязям силу твоей сабли.

При этих словах бароны императора Карла ухмыльнулись и толкнули друг друга локтями. По знаку халифа раб принес длинное страусовое перо. Ар-Амин обнажил саблю, и раб бросил вверх перо. Молнией сверкнул клинок и рассек перо пополам.

Нельзя сказать, чтобы такая ловкость не пришлась по душе господам баронам. Халиф ласково похвалил юношу.

— О отец, — сказал тогда ар-Амин, поднимая на халифа миндалевидные глаза, — на коленях прошу тебя, дозвожь испросить у тебя награду.

— О какой награде ты говоришь? — удивился Харун.

— Великий повелитель правоверных, — молвил юноша, склоняя колени перед владыкой, — час тому назад я сидел со своим наставником Омаром в беседке. Я только что прочитал ему сто строк священного Корана, и старец объяснил мне их мудрый смысл. Потом мы расставили шахматные фигуры, и вскоре я очутился в тяжелом положении. Задумавшись, я искал выход, но ничего путного придумать не мог. В это время стражники проводили мимо нас осужденного на казнь. На мгновение они остановились, посмотрели на фигуры и покачали головами.

— Кутар, — сказал начальник стражи осужденному, — участь принца ар-Амина подобна твоей.

— Господин, — ответил, смеясь, осужденный, — желаю тебе стать великим кади, но судить справедливее, чем сделал это сейчас. Я с радостью согласился бы разделить участь принца ар-Амина. не более чем через четыре хода я был бы свободным и победил бы смерть, славя имя нашего великого халифа Харуна. Да благословит его Аллах во веки веков!

Услышав такие слова, я поднял голову и посмотрел на него. Это был молодой человек с приятным лицом.

— Ар-Амин, — сказал он, — поставь правого коня сюда...

Я последовал его совету, и ход игры тотчас же переменился.

Стражники стояли и смотрели, пока наставник мой не признал себя побежденным. Тут пришла весть, что ты, великий халиф, зовешь меня. Я велел им дожидаться моего возвраще-

ния. Милостивый отец и повелитель, подари мне жизнь Кутара!

— Кто этот Кутар и в чем его вина? — спросил халиф.

Тут же перед ним предстал кади и преклонил колена.

— О владыка мира, тень Аллаха на земле! Кутар — раб из твоего сераля.

— В чем он провинился?

— Он бежал, прославленный владыка. Ему не позволили уйти в свою деревню, и он сбежал.

— А можно ли узнать, почему он так поступил?

— Великий халиф, Коран не велит нам спрашивать о причинах. Раб — вещь своего господина, он не может оставлять указанного ему места. А этот раб принадлежит халифу, стало быть, вина его в девяноста девять раз больше. Так что судьи постановили отсечь ему голову.

— Все же я хотел бы, о судья, узнать, по какой причине сбежал раб, — сказал халиф, улыбаясь сыну. — Приведите его сюда, я хочу, чтобы его спросили при мне.

— Будет исполнено, великий халиф.

Стражники ввели беглеца.

— Пусть раб ответит, отчего он сбежал от своего повелителя, — произнес халиф.

— Лейлах, илейлах! — воскликнул Кутар. — Душа радуется, что повелитель смилостивился и спросил меня. Теперь я могу умереть спокойно. А сбежал я потому, что матушка моя была при смерти и хотела увидеть меня.

— И никто его не спросил? — настаивал халиф.

— Меня и не полагалось спрашивать, о царь царей!

Харун повернулся к сыну.

— Ар-Амин, — сказал он, — в твоей шахматной партии сокрыты две истины. Первая — это ход твоего коня. Вторая — для судей. И заключается она в том, что нельзя карать, не спросив прежде виновного. Дарю тебе Кутара.

Так получилось, что игра подсказала судьям самый великодушный юридический закон.

— О какой игре идет речь? — недоумевая, спросили господы бароны. — Это что, рыцари сражаются? В пешем строю или конно, тыча друг в друга копьями?

Тогда им показали шахматную доску и фигуры ар-Амина.

— Повелитель народа должен знать ходы офицеров и прочих придворных, — сказал ар-Рашид. — Сын мой, подари великому императору эту игру и в придачу к ней все мудрые наставления, вытекающие из нее.

Так случилось, что шахматная доска и фигуры ар-Амина проделали долгий путь в западные пределы, а благородные бароны и святые отцы-епископы вскоре убедились, что могут усвоить правила игры.

Конечно, от этого они не сделались намного лучше. Но истина эта верна лишь отчасти. На Востоке игра осталась игрой. Европейцы же поначалу превратили ее в настоящую войну.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой повествуется о Карле Великом,
властителе западного мира,
о Гарине, принце Аквитанском,
и о шахматной игре,
а затем предлагается новый рассказ
о бессмертных влюбленных Тристане и Изольде*

— Анафема! — рявкнул Карл Великий при виде подарка, привезенного баронами его величества из дальней восточной страны. — Что сие означает? — спросил он, выпучив глаза и ероша бороду. — Что за идолы, что за кости? Возможно, они годятся для поганых измаильтян — так пусть они и поклоняются им.

— Сир, — заметил барон Энгингард, — это не идолы для молитвы, а фигуры, которые надобно располагать на доске, а затем, двигая ими, играть.

— Что за игра?

— Я не смею учить тебя, мой император, — ответил с поклоном могучий воин. — Но если тебе угодно узнать, как движутся на доске воины, кони и сановники, можно спросить послов халифа Харуна, которых он направил к тебе с подарками и с грамотой.

— Тогда она мне по душе, — согласился император. — Летом мы будем сражаться, захватывая нужные нам крепости, а зимой проведем досуг за этой игрой. Как ее называют?

— Шахматами, сир.

— Отменно. А где же механизм, приводящий в движение коней и пеших воинов?

— Светлый повелитель, — осмелился улыбнуться Энгингард, — мне думается, что место этих механизмов — в голове человека.

Тут соизволил рассмеяться и император. Придворные, развеселившись, склонились над фигурами. Один из епископов неторопливо подошел к императору.

— Славный богоугодный повелитель, — сказал он, — если тебе хочется насладиться игрой, именуемой шахматами, дозвожь прислать ко двору двух иноков нашей обители — они усвоили ее от пилигримов, побывавших у гроба Господня.

— Хорошо, владыко, пришли монахов, пусть научат нас и благородных наших придворных. Приличнее узнать нам правила игры от наших добрых христиан, нежели от поклонников Магомета.

Прибыв ко двору, святые отцы благословили доску и фигуры, чтобы очистить их от скверны, и в скором времени научили императора и его придворных правилам игры.

Рассказывают, что в это время к Карлу явился Гарин, сын герцога Аквитанского, и попросил дозволения служить императору оружием, конями и своей свитой, участвовать в битвах наряду с грозными баронами Карла, чтобы овладеть искусством рыцарского боя.

— Добро пожаловать, любезный кузен, — ответил Карл. — Учись ратному делу во славу христианства.

Обрадовался Гарин таким словам и стал служить. В скором времени выяснилось, что у него не только бесстрашное, но и благородное серд-

це. А еще он был наделен приятной внешностью. И сердце супруги императора загорелось великой любовью к нему. Тщетно пыталась она молитвами заглушить бесовскую страсть и наконец поняла, что ничего не остается, как послать отрока к благородному аквитанцу и позвать его к себе.

Увидев его, она вспыхнула и протянула к нему руки.

— О Гарин, — воскликнула она, — я лишилась сна и покоя. Только ты можешь помочь мне.

— Каким образом, госпожа? — спросил он.

— Являясь ко мне, когда я одна, Гарин, и отвечая на мои ласки.

Услышав эти слова, юноша побледнел. Угроза, нависшая над ним, была страшнее мечей испанских мавров. Он поспешно отступил на шаг. Императрица пыталась обнять его — он оставил у нее в руках плащ и поспешно вышел. В это мгновение вошел император Карл. Он сразу заметил чужой плащ, взволнованное лицо императрицы, опрокинутые стулья.

— Что здесь произошло? — спросил он и грозно нахмурился.

Императрица хорошо знала историю Иосифа и супруги Путифара, но она искренне любила юного рыцаря. Кроме того, она боялась гнева Всевышнего, а больше всего — своего супруга.

— О мой повелитель, — жалобно произнесла она. — Я недостойна быть тебе женой, ибо мной овладела неудержимая страсть к юному рыцарю Гарину Аквитанскому. Я перестала есть, спать, потеряла покой. Но он, мой повелитель, ничего не знал до сегодняшнего дня и ничем не

повинен. Когда я его позвала и призналась в своей страсти, он укорил меня и тотчас же удался. Вели палачу выжечь мне глаза. Или пусть зашьет меня в мешок и бросит в омут. Я повинна и приму любую кару.

С этими словами императрица опустилась к ногам своего повелителя, проливая потоки слез. Император Карл долго глядел на нее, нахмурив брови, затем, не проронив ни слова, повернулся и вышел.

Прошло три дня. Карл выходил хмурый из своих покоев, оглядывал придворных, отыскивая кого-то глазами и, не находя его среди рыцарей, поворачивал обратно. Добрые друзья аквитанца, узнав о происшествии, посоветовали рыцарю быть настороже.

На четвертый день император велел немедля привести ко двору аквитанца.

Гарин предстал в окружении родичей и друзей, державших под платьем оружие.

— Дорогой кузен, — проговорил император, пристально глядя на сына герцога Аквитанского, — изволь объяснить, отчего тебя не видно было три дня при дворе? Откуда ты сейчас идешь?

— Сир, я иду из дома.

— И что ты делал дома, Гарин?

— Играл в шахматы с друзьями, повелитель.

— Ах, в шахматы?! Отлично! Тогда будь любезен сыграй и со мной партию. Принесите доску и фигуры. Но прежде чем начать игру, Гарин, я велю тебе сесть и выслушать мои слова: клянусь мощами всех святых, что, если ты выиграешь, я отдам тебе все, чем владею: сокровища, царство, жену, все, кроме коня и

оружия. Если выиграю я, ты тут же лишишься головы.

Рыцарь молча поклонился. Принесли доску и фигуры, и Гарин, вверив душу Господу, сделал первый ход. Император торопливо атаковал, аквитанец спокойно защищался. Игра проходила с переменным успехом, то одна, то другая сторона была близка к победе. Конечно, Гарину не снести бы головы, случись все по земным законам. Но мудрость дивной игры сродни законам высшей справедливости.

Император понял, что проиграл. Взор его затуманился.

Прежде чем произнести слово “мат”, Гарин поднял голову и увидел печаль своего господина.

— Сир, — сказал он, — прекратим эту игру. Да не произнесут уста мои рокового слова.

— О Гарин, — вздохнул император, — поступи, как знаешь.

Перед лицом такого унижения повелителя Гарин не смог удержать слез.

— О мой сеньор, — вскричал он, — я никогда не позволю себе обогреть моего господина. Но ты, повелитель, был неправ, пожелав моей гибели. Из-за безумной женщины не следует терять верных друзей. Ты допустил ошибку, император, и оскорбил меня. Будь проклята женщина, отнявшая у меня твою любовь. Будь проклята прародительница Ева, первая женщина, ибо она стала дурным образцом для всех последующих поколений. И чтобы удостовериться, мой повелитель, что помыслы мои чисты, выслушай меня. Пока ты тут проводишь время в пирах да в шахматных турнирах, на родине моих отцов, в Аквитании, неверные

притесняют народ, опустошают поля и оскверняют святые храмы. Там стоит башня, названная Монглаве, самая высокая в мире. Великий Цезарь построил ее. А мавры захватили ее, снова отстроили и укрепили. Если мне с помощью неба удастся отвоевать ее, дай мне Монглавскую сеньорию. Я сию же минуту готов покинуть твой двор с его сладостными развлечениями и отправиться отвоевывать свою отчину и дедину из рук нечестивых поклонников ложного пророка.

Император благосклонно кивнул.

Вот и получилось, что фигуры из слоновой кости помогли сыну герцога Аквитанского добиться правды и вернуть себе отчие владения.

Есть в Англии Корнуэльский край. И в те времена, когда шахматные кони только пробиwali себе путь в означенную землю, правил там некий король Марк. То был добрый старый король, мечтавший взять себе молодую жену.

Созвал он седых советников-бородачей.

— Милорды, — начал король, — вам известно, что я уже двадцать лет властвую в этой земле. Отца моего убил король Энрик Шотландский, и первейшим моим долгом было отомстить любезному двоюродному братцу согласно требованиям чести. Итак, вооружив своих рабов и подданных, я двадцать лет сражался с Энриком. Наконец позавчера, в восьмой день июня, я наступил ногой на грудь поверженного врага и пригвоздил его мечом к земле, оставив тело на съедение воронам близ Черной скалы. Вчерашний день я отдыхал и молился. благодаря небо за ниспосланную победу. Се-

одня, когда после многолетних распрей земля наша вкушает мир, пришла пора нам исполнить долг — выбрать жену и подарить народу наследника престола.

— Верно. Иного средства сделать народ счастливым мы не знаем, — закивали советники.

— Я вспомнил, — продолжал король, — родича и друга, славного короля исландского. В грамоте своей он пишет нам о дочери, родившейся в день гибели нашего родителя. Зовут ее Изольдой и насчитала она двадцать счастливых весен, меж тем как я собираюсь встретить — увы! — лишь первую. В ответ на грамоту могучего Гарольда решил я послать к его двору племянника Тристана с тем, чтобы он вместо меня стоял у аналоя. Сразу после этого, погрузив невесту мою с приданным и всею свитою на корабль, он привезет ее к нам, чтобы мы выполнили свой долг. Ответь, любезный Тристан: готов ли ты ехать?

— Готов, мой король. Завтра же на заре отплываю. Корабль ждет в гавани. На нем новые паруса, чтобы плыть при попутном ветре, и прикованные гребцы на случай безветрия.

Поэты всех веков воспели Тристана и Изольду! Он был юноша совершенной красоты, с голубыми глазами и рыжими кудрями, как и подобает благородному рыцарю английской крови. А волосы Изольды были солнечно-золотистыми, глаза — цвета самого прозрачного льда. Но лед этот вскоре истаял в слезах, а рыжие волосы показались Тристану огненным венцом. Судьбе угодно было,

чтобы самая неистовая страсть, какую знал когда-либо мир, родилась в туманах, среди северных льдов.

С юга доносились первые порывы весеннего ветра, напоенного благоуханием цветов, когда в окружении принцев и духовных лиц вышла из храма Изольда. На голове у нее была рубиновая диадема, подарок далекого мужа, короля Марка. Рядом шествовал его посланец. Он держал ее за руку и был молчалив и строг. Его прекрасные глаза не смотрели на юную королеву.

— Господин, — вздохнула она, — неужели мой вид неприятен тебе?

— О нет, госпожа моя. Сегодня миру явлена самая красивая королева из всех, которых он когда-либо знал.

— Учтивые и притворные речи, — ответила Изольда. — А сам еще ни разу не взглянул на меня.

Он ничего не сказал в ответ. Море перед ними вдруг освободилось от тумана. Солнце ярко засияло в небе, но им и в голову не приходило видеть в этом грозящую им опасность. Стаи диких гусей с призывными криками спешили к северу, в освободившиеся ото льдов просторы.

— Любящие перекликаются, — заметила Изольда.

— Они летят из края, куда мы держим путь, — ответил благородный Тристан.

Провожавшие, во главе с королем и королевой, обняли Изольду и, проливая обильные слезы, поцеловали ее в обе щеки. Король что-то бормотал, дергая усы.

Удивительнее всего было то, что юная Изольда, навсегда покидавшая родной край, не испытывала особой печали. Конечно, порой она вздыхала, вспоминая матушку, старую королеву с седыми кудряшками. Но тут же, словно спохватившись, обращала улыбчивый взор к солнцу, морю и своему спутнику. Все дни долгого плавания из Исландии до Корнуэлла королева и рыцарь Тристан были постоянно вместе. Они ничего не говорили друг другу, только разыгрывали самые необыкновенные шахматные партии. Как известно, королева и офицер легко дают мат королю противника, что и произошло с корнуэльским властителем Марком. Шахматные партии продолжались и после того, как юная Изольда прибыла в благословенную, зеленую страну, которая виделась ей во сне. Соловьи славили в дубравах вечную любовь. Вслушавшись в их пение, королева рассмеялась, потом заплакала. Она оставляла доброго короля дремать в кресле после обеда, а сама спешила к шахматной доске. Легенда о несчастных влюбленных, чью страсть усугубляли угрызения совести, утверждает, что виной всему явился бокал, из которого оба отпили в ходе одной из партий. В бокале был травяной настой, таинственный, заговоренный. Разгоряченные игрой влюбленные непроизвольно протянули поочередно руки к сосуду и приложились губами к одному и тому же месту. И в это мгновение шахматные фигуры, расположенные в самых неправдоподобных позициях, чудом ожили. Собравшись на совет, они поклонились с улыбкой друг другу и приложили пальцы к губам...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой рассказывается о случае,
происшедшем в знаменитой харчевне*

“Хромая кляча”

славного Андреа Барбароссы

В десяти милях южнее Флоренции стояла в те далекие времена (дело происходило в лето 1061) старая харчевня с вывеской, нарисованной самим хозяином — Андреа Барбароссой. На вывеске был изображен хромым конь. И в самом деле, стоило путнику поравняться с заведением Барбароссы и взглянуть на вывеску, как лошадь его начинала хромать и решительно отказывалась следовать дальше. В то же время нос путешественника улавливал приятнейший аромат, молва о котором гремела по всей Италии.

Почтенный Андреа был не только художником-маляром, но и весьма искусным кулинаром. Курицу, откормленную пшеничными зернами, вымоченными в молоке, он предавал бескровной смерти, попросту говоря топил, затем, ошипав и выпотрошив, укладывал в глиняный горшок, добавлял все нужные специи и овощи и заливал до половины уксусом. Подсыпав немного соли и несколько зерен перца, он прикрывал горшок крышкой, замазывал ее глиной и помещал в жарко натопленную печь. Курица томилась, пропитываясь уксусным паром и пряностями, и покрывалась румяной корочкой. Любой добрый христианин, отведав это блюдо, клялся

что не умрет, пока не вернется в эти места хотя бы еще раз.

Вино тоже было отменное. Черноглазые служанки весело смеялись по малейшему поводу. Служители не забывали насыпать коням зерна и врачевать их раны. Над большим задымленным залом находились покои для гостей, где были широкие постели с пуховыми одеялами.

Вот почему сам высокопреосвященный кардинал Пьетро Дамиано остановился со своей свитой в харчевне мастера Андреа отдохнуть и утолить голод. Двор был набит экипажами, конюшни — конями, большой зал — гостями. Окна были широко открыты, чтобы в зал проникло благоухание роз, цветущих в саду.

У крайнего окна, самого близкого ко двору и к дороге, сидели два седых усача с загорелыми лицами. Легкой своей одеждой они напоминали горцев. На поясах у них висели кинжалы. К оловянным кубкам эти люди прикладывались редко. Они внимательно наблюдали за тем, что делалось кругом. Со своего удобного места они могли по первому зову кинуться в зал или выпрыгнуть в окно на помощь служителям харчевни. То были защитники “Хромой клячи”, бывалые рубаки, о чем свидетельствовали и шрамы на их лицах. Сомнительное прошлое придавало им еще больше веса в глазах посетителей. Мастер Андреа знал, что может во всем положиться на них. Высокий, широкоплечий, с внушительным животом, он дружески подмигивал им из-за стойки и поглаживал свою окладистую бороду.

Андреа поспешил навстречу высокому гостю и, поклонившись ему до земли, крикнул слу-

жителям, чтобы они позаботились обо всем. Затем, держа берет в руках, проводил наверх избранное общество церковников и получил распоряжения относительно обеда, украшением которого должны были стать курица “а ля Барбаросса” и вино не менее чем двадцатилетней выдержки.

Кардинал и его свита устроились в комнатах, и почтенный Андреа уже собрался было спуститься вниз, но тут к нему подошел епископ с тонким, аскетическим лицом.

— Извини, друг Андреа, — сказал он, заботливо прикрывая за собой дверь, — хочу попросить тебя ответить на один вопрос.

— К вашим услугам, монсеньор, — ответил с улыбкой Барбаросса. — Счастливи видеть у себя в доме моего господина епископа флорентийского, любимого и уважаемого всеми добрыми христианами этой земли. Готов ответить на любой ваш вопрос. Мои каморы и погреба к услугам высокого общества, которое вы соизволили направить ко мне.

— Речь не о том, мастер Барбаросса. Наш господин, святейший кардинал, будет весьма доволен твоей курицей и умбрийским вином. Это святой человек, ставящий духовные ценности превыше мирских. Позаботься также, чтобы высокие лица, сопровождающие нашего святого отца, получили вино в соответствии со своими вкусами, аппетитом и комплекцией. А мне вели подать кусок сыра, ломоть хлеба и стакан холодной воды. Я спущусь вниз и там закушу.

— Ах, мой отец, меня всегда печалило такое отношение к моим яствам. Но что поделаешь!

Покоряюсь: все наслышаны о строгости и воздержании, в которых пребывает наш отец епископ Джерардо, инок, достойный счастливой Фиваиды. Нынче вечером у меня более оживленно, чем обычно. Купцы, заночевавшие вчера, так и не уехали. Окрестные земледельцы поспешили присоединиться к ним. Иноки святой обители Кагель Джованни, переменяв платье, тоже пожаловали сюда. Я это рассказываю вам, святой отец, зная, что вы не считаете шахматную игру преступлением. Такой поединок — самое честное дело на земле.

— Ты прав, Андреа. Но на этот счет у нашего отца кардинала несколько иное мнение. А ведь шахматная партия — это невиннейшее занятие.

— Я это всегда утверждал, святой отец, и буду утверждать до последнего вздоха. Так что жду внизу со всем почтением, хотя при одной мысли о стакане воды и куске сыра мне становится обидно.

— Сейчас же спущусь. Я хотел спросить тебя, есть ли сегодня игроки и начаты ли интересные партии.

— Я, должно быть, с ума спятил или постарел, святой отец. Вот уже четверть часа, как собираюсь сказать вам о самом интересном событии, и чуть было не спустился, так и не сказав ничего. Купцы-то, соседние земледельцы, да и монахи собрались по совершенно особому случаю, о котором я должен был поведать вам сразу же, владыко. Позавчера в моей харчевне остановился некий сарацин, учтивый молодой человек. Должно быть, это самый искусный

шахматный игрок в Кордове и во всей Испании. Он играет одновременно с тремя соперниками, не глядя на доску.

— Не понимаю...

— Спуститесь, отец мой, и посмотрите своими глазами. Он будет разговаривать со мной и с монсеньором. Поведает о том, что видел во время своего путешествия. Если вам угодно, он может рассказать о порядках при сарацинском дворе, столь известном своими мягкими нравами и тонким обхождением. Говорят, лучшие лекари и шахматисты находятся в Кордове.

— Почему именно лекари и шахматисты?

— Потому что, монсеньор и святой отец мой, шахматы тоже своего рода лекарство. Так что сарацин может побеседовать с нами обо всем, ибо он сверх всего еще и эскулап. А партнеры между тем, уткнувшись в свои доски, обдумывают ходы. Придумав лучший ход, они объявляют его. А сарацин тотчас же называет ответный ход, не глядя на доску, после чего продолжает прерванную беседу.

Глаза его преосвященства радостно блеснули.

— Ты говоришь, достойный Андреа, что он сарацин?

— К несчастью, сарацин, монсеньор.

— А как его зовут?

— Абу-Селим.

— Прошу тебя, представь его мне. И не удивляйся: хотя он и язычник, но из его поступков я заключаю, что это избранник Божий.

— Это верно, святой отец. Я и сам так поду-

мал. Извольте спуститься вниз, я его тут же представлю вам.

Благочестивый отец Джерардо спустился вниз в сопровождении Барбароссы. Одного слова последнего было достаточно, чтобы в зале прекратился шум. Гости встали со своих мест и поклонились епископу. Тот благословил их. Сидевшие у окна усачи, прихватив с собой сабли, пришли и преклонили колена перед святым отцом. Сарацин отвесил почтительный поклон и отошел в сторону. Андреа широким жестом пригласил его подойти поближе.

— Почтенный лекарь, монсеньор желает, чтобы вы были ему представлены.

Абу-Селим подошел к епископу и, склонившись перед ним, заявил на великолепном итальянском языке, что готов с чистым сердцем служить монсеньору. Чем он может быть полезен? Медицинским советом или каким-нибудь снадобьем?

— О нет, почтенный лекарь. — ответил епископ, — мне бы удостоиться милосердия Всевышнего за мои прегрешения. Я неисправимый любитель шахматной игры.

— Как, — улыбнулся сарацин, — монсеньор полагает, что Всевышний отлучает от рая шахматистов?

— Не думаю, друг Абу-Селим, но поговаривают, что это так. При дворе испанского халифа, слышал я, игра это в большом почете.

— Именно так, монсеньор, и с полным на то основанием. Сто лет тому назад в дни правления Абдаррахмана, восьмого омейядского халифа, случилась совершенно удивительная ис-

тория. В один из дней умер бедняк по имени Али-Амру, отменный знаток шахматной игры. Родичи печально обрядили его в последний путь, радуясь про себя, что отделались от бедняка. Во время ночного бдения они были немало удивлены, заметив, что мертвый улыбается. Тут же это стало известно всему городу, и люди сбежались смотреть на чудо. Наконец, солнце поднялось в небе, и лучи его пробились к гробу усопшего. Когда они коснулись его носа и защекотали его, мертвый чихнул и поднялся в гробу, важно и гордо оглядев своих родичей и собравшуюся толпу. Одни были до крайности напуганы. Другие, поняв, что свершилось чудо, окружили воскресшего.

— Что случилось, Али-Амру? Отчего ты улыбался в гробу?

— Этой ночью, братья, — отвечал он, — я очутился перед лицом самого Повелителя. Увидев меня, он подозвал к себе. Я пал ниц в пыль у его ног, исполненный радостного трепета. “Встань, Али-Амру, — ласково обратился ко мне Вседержитель, — сядь напротив меня и сыграй партию с пророком Магомедом. Я хочу убедиться, верна ли молва о твоём искусстве”. “О Всемогущий! — отвечаю. — Я самый бедный человек в Кордове. Смею ли я играть с пророком?” “Смеешь”, — повелел Аллах. Тогда я осмелел и выиграл партию у пророка. Владыка мира развеселился. Пророк Магомед хлопал меня по плечу: “Аллах всемогущий повелевает тебе, — сказал он, — вернуться в Кордову, явиться ко двору Абдаррахмана, восьмого омейядского халифа, сыграть в шахматы

со всеми его сановниками и выиграть все партии. Вызови и халифа. И быть посему”.

Об этом необыкновенном случае тотчас же прознала вся Кордова, и вскоре явились служители халифа и увели с собой беднягу Али-Амру. Сперва было проведено дознание, чтобы выяснить, действительно ли он умирал. Сам хаджа выступил свидетелем. Делать нечего, пришлось выполнять указание. Али-Амру сыграл в шахматы с вельможами и всех победил. Когда же настало время приступить к последней партии, его светлость великий и мудрый Абдаррахман молвил бедняку:

— Али-Амру, чтобы удостоиться права сыграть с халифом, ты должен быть в чине самого высокого нашего сановника. Повелеваю тебе надеть кафтан визиря, и тогда мы с тобой сыграем.

Из этой истинной истории, заключил Абу-Селим, недвусмысленно вытекает, что и в счастливых райских кущах увлекаются шахматами и всякому правоверному надлежит готовить уже на этом свете вечное блаженство, иначе говоря, освоить правила нашей игры.

Монсеньору Джерардо чрезвычайно понравилась услышанная история, и он сразу же исполнился приязни к сарацину и стал следить за партиями, которые тот играл, повернувшись спиной к партнерам. Когда игра была закончена, его преосвященство тоже пожелал померяться силой с Абу-Селимом, и все гости, окружив игроков, образовали красивую четырехъярусную галерею. Одни сидели в самом низу, прижав подбородки к столу, другие стояли, третьи наблюдали, забравшись на стулья, а

четвертые — на столы. Нижние протягивали верхним кружки с вином, не обращая внимания на капли, падавшие на них сверху. Это была памятная партия, и достойный Андреа тщательно записал ее в свою книгу именитых гостей.

Однако последствия этого незабываемого вечера оказались куда менее приятными, ибо кардинал Пьетро Дамиано, узнав о странном поступке флорентийского епископа и о неприличном обществе, следившем за поединком, крайне смутился духом и сурово отчитал монсеньора Джерардо.

— Возможное ли это дело, — изрек кардинал, — чтобы клирик, известный своей воздержанностью и незапятнанной чистотой, унизил себя до такого сброда и позволил себе сидеть лицом к лицу с неверным! Да что сидеть — услаждать себя нечестивой, бессмысленной и предосудительной забавой. Позволительно ли, — продолжал кардинал, — позволительно ли, чтобы руки, из коих верующие вкушают тело Господа нашего, прикасались к грязным шахматным фигурам?! Возможно ли, чтобы уста сии, коим надлежит быть посредником между Всевышним и людьми, произносили неподобающие, святотатственные слова?!

— Владыко, — чистосердечно ответил монсеньор Джерардо, — насколько мне известно, нигде в Священном писании не сказано, что шахматная игра запретна. Во всяком случае, о ней нигде не упоминается. Между тем, там перечислены все мирские прегрешения. А если верить правдоподобным историям, то получается, что...

— Знаю, знаю, — сокрушенно заметил святой отец Пьетро Дамиано. — Я слышал этот смешной анекдот, который применим разве что к богу неверных и пророку, достойному его. Само намерение отнести его к незапятнанной чистоте истинного Бога — святотатство.

— Эта шутка столь же невинна, сколь невинна и сама игра, — попытался возразить епископ. — Если святой отец позволит, я могу легко объяснить, почему шахматы нельзя приравнять к игре в кости, картам и прочим азартным играм. По сути своей они обращены к разуму, а ведь он — божественного происхождения.

— Довольно! Довольно! — воскликнул святой отец Пьетро Дамиано, воздев руки к небесам. — Я извещу об этом поступке нашего владыку, римского первосвященника, и умолю его простить тебя. Мы же налагаем на тебя, сеньор епископ, следующую епитимью: изволь внести сто дукатов штрафа в нашу личную копилку для бедных, а затем, истово помолясь, помыть ноги двенадцати нищим в своем епископстве, в славном городе Флоренции.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*о более чем странном завершении истории,
к которой причастны монсеньор Джерардо,
флорентийский епископ, врач Абу-Селим
и его высокопреосвященство кардинал Остии*

Дело этим не кончилось. Как только во Флоренции стало известно о наказании монсеньора епископа, началось брожение среди про-

стого люда. Первыми возмутились нищие, для которых благочестивый служитель церкви был истинным благодетелем. Сотня дукатов штрафа явно уплывала из их карманов. После воскресной литургии бюргерам приходилось выслушивать у паперти церковей нескончаемые жалобы.

— Нас ограбили, почтенные господа, — голосили нищие. — Смилуйтесь, верните нам хотя бы то, что отнял у нас остийский кардинал.

— В конце концов, нищие правы, — говорили купцы, поворачивая друг к другу бороды.

— А кроме того, милостивые господа, кто дерзнет войти к монсеньору и подставить ноги, чтобы он их помыл? Любопытно было бы взглянуть на этих смельчаков! — ухмылялись нищие, гневно поглядывая друг на друга.

Вопрос этот мало волновал почтенных торговцев, зато их жены прямо выходили из себя, ибо у преосвященного Джерардо руки были белые и тонкие. Именно женщины распространяли всякие слухи, вызвав уйму толков и пересудов. Поговаривали даже о том, чтобы обязать сенат обратиться к римскому первосвятителю с петицией. Многие юные дамы по этому случаю посетили отцов города. Но делу так и не был дан ход. Зато не нашлось ни одного побирушки, который осмелился бы явиться в резиденцию епископа. Стражи нищего братства, вооруженные дубинами, стояли у входа, недвусмысленно давая понять, что “слепцы”, “гугнивцы”, “безногие” могут в самом деле сделаться таковыми, если заявятся во дворец.

Врачеватель Абу-Селим, представ в один

из дней перед монсеньором Джерардо, сказал:

— Въехав в этот город, я подумал было, что он готовится к войне. Особенно усердствуют какие-то господа в рубище: вопят и изрыгают страшные угрозы. Расспросив людей, я узнал, что всему виной наша мирная и невинная игра.

— Да, это так, — улыбнулся епископ.

— И еще я узнал, — продолжал Абу-Селим, — что как только стали известны оскорбительные отзывы остийского кардинала о нашей игре, благородные жители и торговцы города, незнакомые с шахматами, воспылали желанием научиться играть. Те, кто умеет играть, просвещают остальных. Нигде в Италии я не наблюдал столь страстного увлечения шахматами. Мастера-деревообработчики и резчики по кости преуспевают и благодарят Всевышнего за столь мудрое устройство дел на нашей земле.

Святой отец сделался серьезным.

— Синьор врачеватель, — молвил он, — не будем смешивать незначительные дела с тем, чему нет меры и конца.

— Прошу прощения, святой отец, — возразил сарацин, — но для вечного творца нет малого и великого. Высшая мудрость и высшее понимание охватывает все: “En to rap”, — как говорили некогда посвященные греки, жители Элевсина. “Один — это всё”. Если это так, то наша игра тоже от Бога. Я уже имел честь и возможность доказать это монсеньору в харчевне Барбароссы, где подают столь отменное блюдо из курицы. Если святой отец позволит мне, я могу доказать это при помощи другого случая, столь же странного, как и первый.

Мы можем при этом сыграть и партию, чтобы высшая мудрость была удовлетворена.

— Я склонен принять ваше предложение, только пусть все остается в величайшей тайне, — весело рассмеялся епископ. — Итак, я играю белыми, вы — черными. Я делаю первый ход, вы отвечаете, после чего можно начинать и рассказ.

И в самом деле, владыке полагалось играть белыми, ибо и лицо, и одеяние его были такого же цвета, между тем как сарацин-врачеватель — смуглый, черноволосый — был в черном, отлично сшитом бархатном камзоле.

— Монсеньор, — начал он, — так уж повелось у нас в Кордове, что порой случаются кое-какие мелкие свары между царствующими династиями. В таких случаях за счастье иметь в жилах царственную кровь приходится платить головой. Итак, в годы правления халифа Абу-Фериды прямые потомки халифа Абдаррахмана находились в опале. Многие были преданы смерти, иные нашли прибежище в африканской земле. И только юному Абдаррахману, по странному капризу правителя, была сохранена жизнь. Он был философом и мыслителем, но прежде всего настоящим шахматистом, следовательно, не представлял никакой опасности для повелителя народов.

Абдаррахман был красив, и глаза его светились добротой. Но вот однажды он обронил лукавое замечание и сразу предстал перед всеми в ином свете. Оказывается, и философы могут быть опасны, особенно если философами они сделались в силу обстоятельств.

Молодого Абдаррахмана немедля заточили

в замок Бома в шести часах пути от Кордовы. Пока он ждал решения своей участи, люди Абу-Фериды изучали шахматные партии философа — и пуще всего его поступки и оброненные слова. Не потребовалось особых усилий, чтобы открыть целый заговор любителей шахмат, направленный против халифа. И первым доводом было то, что, играя с философом Абдаррахманом, шахматисты Кордовы и других городов не произносили ни единого слова. Вдыхая порой, они делали очередной ход, и каждая партия неизменно заканчивалась шахом и матом. Возможны ли более красноречивые доказательства?

И все же Абу-Ферида пребывал в нерешительности целых семь недель. Лишь по прошествии семи недель он сделал то, что мог бы сделать и в первый день. Он отрядил к начальнику замка гонца с грамотой такого содержания:

“Повелеваем тебе, Сулейман бен Мухаммед, предпринять надлежащие меры в отношении нашего возлюбленного племянника Абдаррахмана. Пусть сабля будет остра. И позволь ему сыграть последнюю партию”.

Иногда путники тратят на путь от Кордовы до замка Бома не шесть часов, а целых десять, что и случилось с гонцом Абу-Фериды. Гонец понимал, что везет гибельную весть, и был бы рад скорее бросить грамоту в волны Гвадалквивира, нежели доставить ее к месту назначения. Не было в стране человека, который не любил бы философа. А вот Абу-Ферида поня-

тия не имел о философии и единственным его аргументом был меч. Итак, десять часов спустя гонец Али достиг замка и вручил послание Сулейману бен Мухаммеду. Тот поцеловал печать, вскрыл грамоту, ознакомился с ее содержанием и тяжело вздохнул. Затем немедленно отправился к философу, постучал в дверь темничной каморки и разбудил его.

— Что случилось, дед? — спросил Абдаррахман.

— Я принес тебе весть, господин, — ответил Сулейман бен Мухаммед.

— Хорошая весть? Доведется ли мне еще лицезреть сияние солнца?

— Дозволь войти, твоя светлость. Весть дурная.

Увидев перед собой плачущего старого Сулеймана бен Мухаммеда, философ вырвал у него из рук грамоту и прочитал ее при свете факела.

— Возблагодарим Аллаха, дед, — вздохнул он. — Впереди у нас еще целая ночь и утренняя шахматная партия. В потоке времени ни одно мгновение не повторяет предыдущего.

Говорят, смертники перед казнью спят хорошо. Не знаю, у меня еще не было возможности проверить эти рассказы. Утром принц пригласил старого Сулеймана бен Мухаммеда к шахматной доске.

— Дед, — молвил он с улыбкой, усаживая старика на пуховик, — один эллинский философ заметил некогда, что жизнь подобна грезам призрачной тени. Единственная реальность, которая мне еще осталась, это последняя шахматная партия. Сыграем же ее как можно

лучше. Бери черные фигуры и будь полномочным посланцем Абу-Фериды, чтобы мне все же представилась возможность победить его. Ты велел наточить саблю как следует?

— О, господин мой, снизойди к старому Сулейману бен Мухаммеду. Я служил еще деду твоему, славному, мягкосердечному правителю. Я знал и родителя твоего, который пал от подлого удара недруга. Теперь судьбе угодно, чтобы я был твоим противником в этой партии. Слезы мешают мне видеть фигуры.

— И все же тебе придется играть и защищаться, Сулейман бен Мухаммед.

— Защищаюсь, мой господин.

Уверяю вас, что это была долгая партия.

В конце концов старик понял, что ему не избежать мата. Служители замка, собравшиеся вокруг, неотрывно следили за ходом игры. Из верхней части песочных часов медленно убывал песок. Солнце стояло в зените.

Тогда-то и обнаружилось, что расстояние от Кордовы до замка можно преодолеть и за три часа. Тень всадника, отражавшаяся в водах Гвадалквивира, была подобна летевшему призраку. Старый Сулейман бен Мухаммед собрался было сделать последний ход, когда послышался рог гонца, требовавшего, чтобы его без промедления впустили в крепость.

Облик его был столь необычен, что стражники тут же открыли ворота. Гонец издал крик, донесшийся до верхних покоев.

— Где принц?

— Он наверху, играет свою последнюю партию, — ответили ему.

— Слава Аллаху и его пророку! — воскликнул гонец и пал ниц.

Затем, вскочив на ноги, кинулся бежать по ступенькам.

— Пропустите, — кричал он. — Поклонитесь халифу Абдаррахману! Волею Всевышнего этим утром погиб Абу-Ферида. Девятого Омейяда призывают на отчий трон.

Так велением небес закончилась эта знаменитая партия, монсеньор. Если хотите, могу показать вам на доске ее окончание. Это была тончайшая задача, и только философ мог решить ее, да и то не без помощи высшей силы. А сторонники Абдаррахмана между тем осуществляли свой вариант игры, чтобы партия получила гармоничное завершение.

Преосвященный Джерардо слушал с удовольствием рассказ сарацина, не подозревая, что и его собственной истории уготован самый необычный финал при непосредственном вмешательстве высших сил в земные шахматные дела.

Кардинал Остии Дамиано, принц, святой и одновременно суровый гонитель мирских пороков, узнав о возмущении нищих и недовольстве граждан, а затем и о приезде неверного в город, известный своим благочестием, пришел в еще большее уныние. Он наложил новую епитимью на епископа, *quoniam multiplicatae sunt iniquitas eius**, обязав его внести еще триста дукатов в личную кардинальскую копилку для бедных. Отец Джерардо покорился, невинно мечтая про себя о партии с его высокопреосвященством Пьетро Дамиано, которую

---

* ибо умножились проступки его (лат.)

он непременно выиграл бы. Иных возможностей достать такую сумму у него не было.

Решение кардинала не только не положило конец пересудам, но, напротив, вызвало — прежде всего среди бедных горожан — новую бурю гнева. Устрашающего вида молодчики совершали дива достойные деяния, о которых в хрониках эпохи сохранились подробные записи.

В двух милях от Флоренции лес сплошной стеной подходит с обеих сторон к дороге. Вот тут-то и попала колесом в свежевыкопанную яму карета его высокопреосвященства Дамиано. Кони порвали постромки, колесо поломалось. Пришлось одному из всадников поскакать в город за подмогой. Между тем святой отец изъявил желание пройтись пешком под сенью леса, послушать пение птиц да полюбоваться на возню резвых белок.

За поворотом он увидел сидевшего на земле бородача, который о чем-то размышлял, опершись локтем о колени.

“Это, должно быть, либо нищий, либо кающийся грешник”, — подумал благочестивый Пьетро Дамиано и участливо приблизился к бородачу.

Велико же было его удивление, когда он увидел на коленях человека шахматную доску с расставленными фигурами!..

— Что ты тут делаешь, добрый человек? — спросил он.

Бородач поднял глаза и лицо его выразило крайнее смущение.

— О, святой отец, монсеньор, — воскликнул он, — прости грешному, который даже не может встать со своего места, чтобы преклонить

колена и поцеловать твою руку. Шахматная партия подходит к концу, и я обязан выказать моему партнеру надлежащее уважение.

— Какой партнер? Я вижу, ты один, добрый человек, — заметил с улыбкой кардинал. — С кем ты играешь?

— Прощения просим, твое высокопреосвященство. Играю я с самим небесным владыкой. Не гневайся и позволь объяснить. У меня случаются изредка подобные партии, и — что греха таить — играю я на деньги. В теперешней партии, например, ставка тридцать дукатов. Нетрудно заметить, что я проигрываю. Ай-яй-яй! Шах и мат! Прошу, святой отец, получи с меня эти тридцать дукатов. Когда я проигрываю, Господь заботится, чтобы поблизости оказался человек, которому я и отдаю деньги. Так что личная касса его высокопреосвященства кардинала для бедных увеличится на тридцать дукатов.

— Странный человек и странная партия, — улыбнулся кардинал. — А впрочем, что ж, признаю, что волю Господа нашего следует выполнить.

— Вот деньги, — сказал бородач.

Он достал из сумки тридцать дукатов и почтительно отдал их в руки кардиналу.

Разумеется, случай этот наблюдали все клирики и служители, следовавшие в пяти шагах позади своего повелителя и святого отца. Когда кортеж прибыл во Флоренцию, весь город в мгновение ока узнал о небывалой встрече, свидетельствовавшей о благосклонном отношении Всевышнего к своему сановнику. Ему было угодно, чтобы кардинал оказался в лесу имен-

но в то время, когда какой-то чужак проигрывал шахматную партию. Бесконечны и неисповедимы божественные тайны.

В присутствии его высокопреосвященства епископ Джерардо исполнил наложенную на него епитимью: вымыл ноги двенадцати несчастным нищим, которых городские стражники доставили из их логова, ибо никто добровольно не домогался подобной сомнительной чести. Когда же они вышли из епископского дворца, их окружила молчаливая толпа из шестисот членов братства побирушек. Их схватили и торжественно повели в неизвестное место на кровавый суд короля, одетого в рубище.

Между тем его высокопреосвященство кардинал высказал в избранном обществе, созванном по его повелению, ряд мудрых, исполненных христианского духа мыслей, после чего потребовал для своей копилки милосердия еще триста дукатов. Верующие поспешили собрать нужную сумму, ласково улыбаясь своему епископу и снизойдя к его слабостям. Все утешали себя тем, что тотчас же по отбытии кардинала сядут за шахматные столики.

Наконец, негибаемый в вере кардинал с честью отбыл из города. Его торжественно проводили до ворот крепости, и там он благословил епископа и флорентийцев, пожелав им, чтобы Божья благодать снизошла на их души. Потом сел в коляску и отбыл.

Проезжая через лес, кардинал вспомнил вчерашнего чужака. Высунув голову в окошко, он увидел его на том же месте с шахматной

доской на коленях, погруженного в глубокое раздумье, слепого ко всему, что творится вокруг.

— Ну-ка, поглядим, сколько он проигрывает сегодня, этот странный и счастливый игрок, — улыбнулся святой отец и велел остановить экипаж. — А вы ежайте вперед, — сказал он. — Я хочу кое о чем поговорить с этим человеком.

Свита отъехала. Кардинал Пьетро Дамиано приблизился к шахматисту.

— Друг мой, — обратился он к нему. — Как протекает сегодня игра? Какова ставка?

— О, сегодня я играю на крупную сумму, — ответил чудака, — на четыреста тридцать дукатов. И как видишь, святой отец, положение у меня совсем не плохое. Думаю, не ошибусь, если скажу, что достаточно четырех ходов, чтобы объявить небесному владыке мат. И в самом деле! Шах! Шах! Мат!

Кардинал рассмеялся.

— Это иллюзорная победа, друг мой.

— Почему же, высокопреосвященный владыко? Когда я проигрываю, я честно плачу. Но если победа на моей стороне, то я желаю, чтобы со мной поступили так же. Господь-то и направил вас сюда, чтобы вы заплатили вместо него.

— Но это уже шутка, добрый человек.

— Уверяю, владыко, что я не шучу. И в доказательство тому могу призвать своих товарищей, они искусно владеют саблями и кинжалом. Изволь следовать за мной. Придется пожить в нашей землянке заложником, пока казначей твоего высокопреосвященства не по-

жалует сюда и не выложит четыреста тридцать золотых дукатов.

Чудак внезапно обрел вид самого настоящего разбойника. Он собрал фигуры, сложил доску и, решив дать реванш небесному творцу в другое, более подходящее для этого время, предложил господину кардиналу следовать за ним.

К чести Вседержителя и церкви надо добавить, что следующую партию чудак сыграл с самим отцом Джерардо и охотно проиграл ее, после чего облобызал руку владыке и вложил в нее четыреста дукатов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой еще явственнее
обнаруживается связь между высшей силой
и нашим героем благодаря случаю,
происшедшему с принцессой Матильдой
и принцем Эренфридо*

В стародавние времена, когда в Германии правил Оттон III, было неопровержимо доказано, что небесный владыка хорошо знаком с шахматной игрой и что их святейшества папы и кардиналы явно неправы, налагая на нее запрет.

Трудно согласиться с гипотезой, выдвинутой богословами, будто это истинно лишь в отношении бога неверных, именуемого Аллахом, и совершенно не подходит к христианскому всеблагому владыке.

В Священном писании сказано о едином Боге. А если он один, то и к шахматам отношение может быть лишь одно. А будь двое не-

бесных владык, то все это было бы тем более верно. Можно ли придумать более приятное времяпрепровождение в небесные послеобеденные перерывы! И если уж верно, что богов двое, то почему не допустить, что их наберется целый клуб? Однако люди всегда доказывали, что на небе владыка один. И так как он всемогущ и всеведущ, то какое основание у римских и остийских блюстителей веры утверждать, что такое создание человеческого духа, как шахматы, чуждо ему?

Следует также отбросить и всякие инсинуации относительно того, что последователи Магомета не без умысла распространяют подобные сказки. Ведь в мире православия тоже можно найти немало убедительных доказательств.

Тем более нельзя согласиться с гипотезой, что истинным шахматистом является дьявол. В Молдавской земле он носит девятнадцать имен: Сатана, Дьявол, Черт, Скараоски, Микидуцэ, Демон, Нечистая сила и т.д.

Пусть же осмелится кто-нибудь утверждать, что чудище с такими страшными именами в состоянии передвинуть коня или ладью на шахматной доске. С момента сотворения мира известно, что чудище это замешано в самых подлых, корыстных поступках, но не имеет никакого отношения к столь невинному занятию, каким являются шахматы.

Действительно, священная запись гласит:

“Я, архангел Михаил, князь-ангел, спускаясь с Сионской горы в город Назарет, встретил Авестицу, Крыло Сатаны; волосы

у нее спадают до пят, глаза — словно искры, руки — из смолы, ногти — серпами, груди — до колен, и вся она голая. И увидев ее, я спросил: “Кто ты и как имя твое? Откуда идешь и куда путь держишь?” А она ответила: “Я Аузавица, Авестица, Крыло Сатаны, царя нашего Верзы. И слышала я о непорочной деве, что собирается родить младенца, и спешу к ней, чтобы навести на него порчу”. И тогда я, архангел, крикнул ей: “Стой, Сатана!” И, схватив за волосы, связал нечистую силу, упер меч в ее смертные ребра и стал стегать ее огненным арапником и железным посохом. А она закричала что есть мочи и взмолилась: “Прошу тебя, архангел Михаил, перестань меня бить, развяжи, и я раскрою тебе все мои дьявольские ухищрения”. Перестал я ее бить, ослабил веревки, и она сказала мне следующее: “Да будет тебе ведомо, архангел Михаил, что я, войдя в дом людей, превращаюсь в пса, кошку, муху, зайца, паука, мышь, змею или принимаю облик разного рода привидений и навожу порчу на беременных женщин. А малых детей душу во сне и творю всякие иные бесчинства. А к дому, в котором хранится запись всех девятнадцати имен, я не могу подойти ближе чем на семь верст”.

Итак, самым недвусмысленным образом подтверждается, что дьявол не играет в шахматы ни под каким своим именем и ни под каким обличьем. Он может превращаться в разных злых зверей, а в шахматного коня — нет. И к дому, в котором хранится книга с перечнем

проклятых имен, Авестица не может подойти ближе чем на семь верст. Увы, в монастыре Эссенской Девы, в котором 900 лет назад обреталась благая и прекрасная Матильда, сестра великого императора Оттона, этого перечня не было, и потому Авестица сумела приблизиться к святой обители и натворить там немало бед.

Прекрасная Матильда увидела юного принца Эренфридо во сне, но покой потеряла наяву. И захотелось ей непременно увидеть его. Выйдя из обители в окружении своих спутниц, она встретила юношу в дубраве у Турьева Рога. Он ехал верхом, подперев бок правой рукой и держа повод левой. Берет был надвинут на лоб, и журавлиное перо колыхалось на ветру. Одежда на нем была из вишневого бархата, пояс серебряный, а кинжал — в ножнах из слоновой кости.

Увидев Матильду, он сперва застыл на месте, точь-в-точь как в привидевшемся ей сне. Затем торопливо спешился, кинул поводья слугам и, опустившись на колени, склонил голову, пронзенный красотой царственной девы, племянницы, дочери и сестры трех венценосцев.

Наконец, придя в себя, он заговорил:

— Светлая госпожа, в прекрасном сне я получил указание явиться сюда. Семь дней кряду прихожу я на это место. И вот сегодня мне даровано счастье преклонить колена перед той, что дороже мне жизни и чести.

— Неужто и вы, Эренфридо, видели меня во сне? — удивленно спросила принцесса Матильда.

— Госпожа, сперва я имел счастье лицезреть тебя при венчании нашего могущественного императора. С тех пор дни мои наполнены особым смыслом. Жизнь моя обрела истинное значение лишь с того мгновения, когда я увидел тебя и прикоснулся губами, как и теперь, к этой ручке, подобной расцветшей розе.

— Ах, верно, верно, — вздохнула принцесса Матильда. — Мне казалось, я забыла, но, оказывается, я хорошо помню нашу встречу.

— С тех пор я жил надеждой увидеть тебя, госпожа моя, но ты покинула двор, и жизнь моя потеряла всякий смысл.

— Возможно ли это, сеньор Эренфридо?

— Вполне возможно и истинно, госпожа моя. И я задумал было отправиться в Святую землю и сложить голову в борьбе с неверными.

— И ни разу тебе не приходило на ум, сеньор Эренфридо, придать своей жизни иное направление?

— Приходило, госпожа. Я нашел старую и мудрую женщину, которая согласилась проделать путь до святой обители Девы и поведать, кому следует, о моем смертельном недуге.

— Верно, — снова вздохнула прекрасная принцесса. — Я вспоминаю, что со мной говорила старая женщина, после того как я вышла со святой литургии.

— Да, госпожа, и она же мне передала повеление приблизиться к этой дубраве.

— И это верно, Эренфридо. Я думала, что забыла, но нет, я очень хорошо это помню. И позвала я тебя для того, чтобы сказать, что ты не должен больше думать обо мне.

— Я не смею верить своим ушам, госпожа моя.

— Ты должен поверить, Эренфридо. Матушка моя, королева, никогда не позволит мне избрать супруга по сердцу. И брат мой, император Оттон, такого же мнения. Оба только и думают, что о послах какого-нибудь царя, который бы испросил моей руки. Об избранном мною любимом они и слушать не захотят.

— Госпожа моя, есть ведь и такая возможность, что ты полюбишь короля, и тогда королева-мать и император согласятся.

— Я не могу полюбить короля, Эренфридо, потому что сердце мое отдано другому

— Отдано другому, госпожа?

— Да.

— Тогда мне остается уехать подальше, и только отзвуки имени моего докатятся сюда, когда меня не будет в живых.

— О нет, Эренфридо, не уезжай. Я же сказала тебе, чтобы ты больше не думал обо мне.

— Я отказываюсь понять, госпожа, смысл этой пытки. Зачем тебе держать меня здесь, если сердце твое равнодушно ко мне.

— Я забыла сказать тебе главное, Эренфридо: я люблю тебя и каждую ночь вижу тебя во сне.

— О, божественное счастье!

— То, что ты изволишь называть счастьем, на самом деле — горе и смерть, Эренфридо, ибо мать королева и брат мой никогда не согласятся на наш брак.

— Ты это доподлинно знаешь, госпожа?

— Доподлинно.

— Тебе об этом было сказано?

— Да, Эренфридо, и потому я нахожу утешение лишь во сне. Как только проснусь, сразу вспоминаю свою несчастную долю и слезы заливают глаза. Я позвала тебя, чтобы мы подумали, что нам делать.

— Доверимся воле провидения, госпожа.

— Ты прав, Эренфридо. Будем уповать на Господа нашего, но пуще всего на советы той мудрой старухи, которую ты направил ко мне. “Госпожа, — сказала она мне, — юный Эренфридо — любимец двора. Император видит его каждодневно. Он держит его при себе на всех пирах и охотничьих потехах. На турнирах он самый ловкий из придворных, в шутках тоже непревзойден. На охоте нет человека искуснее: он науськивает псов, легко управляетя с прирученными ястребами, настигает стрелами птиц, пронзает копьями зверей. Есть еще такая игра, шахматы, и нравится она императору пуще всех остальных. В этой игре самым искусным среди придворных является тоже принц Эренфридо. Я бы сказала, — продолжала старая, — что ты должна убедить своего возлюбленного, что помимо храбрости и прочих достоинств уместно было бы пустить в ход и хитрости, в которых сильны мы, женское сословие”.

— Готов покориться любви своей, госпожа, — ответил Эренфридо, — и сделаю все, что ты повелишь.

Госпожа Матильда была рада услышать подобные слова и позволила кавалеру поцеловать край платья и розовый ноготок мизинца. Затем повелела ему встать и взять ее под руку, указав своим спутницам, чтобы они остались на месте. Влюбленные прошли по узкой троп-

ке в глубь дубравы, туда, где стояла расцветшая липа и изредка в густой листве раздавалось щелканье соловьев.

Когда свет узнал о любви двух молодых людей, пошли толки и пересуды.

Кто сможет преодолеть пропасть, разделяющую их? Император только улыбается и не верит ничему. А мать королева рвет и мечет, слышать не желает ни о чем.

Тут счел за благо вмешаться сам небесный творец.

— Я наведу порядок, для меня не существует пропастей, — изрек Всевышний. — Коли память мне не изменяет, при сотворении света я создал лишь одну чету людей. Кто же смеет ныне придумывать сословные различия? Люди могут быть лишь двух родов: те, кто выигрывает, и те, кто проигрывает шахматные партии.

Так случилось, что однажды, будучи в добром расположении духа, император Оттон обратился к Эренфридо со следующими словами:

— Сыграем в шахматы.

— Государь, — почтительно ответил юный принц, — всем известно, что ваше величество — самый искусный игрок во всей империи. Я же — простой подмастерье. Лишь изредка дерзаю сыграть партию со своим повелителем и каждый раз проигрываю.

— Ничего, Эренфридо. Придется тебе еще раз сыграть. Такова наша воля. Садись напротив. Выпей пива и не робей.

— Попытаюсь, мой повелитель.

— Попытайся. И если ты победишь, проси, что твоей душе угодно.

— Я никогда не сомневался, государь, в доброте вашего величества.

— И хорошо делал, Эренфридо. Пиво тебе по вкусу?

— По вкусу.

— Что же ты не поступаешь, как я? Вместо того, чтобы пить, уставился глазами в потолок.

— Я вверяю свою душу Господу, мой император. Без помощи провидения я бы не дерзнул победить.

Император Оттон соизволил рассмеяться, услышав эти странные слова.

Он сделал ответный ход и снова поднес к губам кружку с пивом. Отхлебнув, он увидел новый ход принца и весьма удивился, даже поскреб бороду пальцами. Эренфридо скромно выиграл первую партию.

— Посмотрим, что будет во второй, посмотрим! — вскричал император. — Мы сыграем три партии.

Эренфридо поклонился.

— Принесите мне другую кружку! — распорядился император. — Первый ход мой. Защищайся, Эренфридо, и не зевай.

Юноша снова вознес глаза к потолку, а пиво по-прежнему грелось рядом у правого локтя. Не прошло много времени, и он выиграл и вторую партию.

— Ха-ха! — воскликнул император. — Это нечто невероятное. Посмотрим, что будет в третьей партии. Не дорого начало, похвален конец. Самый жирный кусок у барана — курдюк, любой обжора это подтвердит. Прошу вас, друзья мои, не давайте кружке скучать порожняком. Я хочу обязательно выиграть эту пар-

тию у Эренфридо, а то он еще попросит у меня все царство, как мог бы сделать аквитанец в памятной партии с нашим прадедом Карлом.

— Мне достаточно благоволения моего повелителя, — деликатно возразил принц Эренфридо. — Я заявляю, что тут нет никакой моей заслуги. Император — первый игрок во всем царстве. Но я нахожусь под высоким покровительством Всевышнего. Только этим можно объяснить, что я снова выиграл. Шах и мат, государь.

— Тут поистине замешана сила повыше императорской, — кивнул Оттон. — По всему видать, Эренфридо, что просьба твоя справедливая, и Господь трижды повелел мне выполнить ее. О чем ты просишь?

— Государь, просьба моя, несомненно, покажется вам слишком дерзкой. Но я верю в благость Господа и милость моего императора. Я почтительно люблю сестру вашего величества и мечтаю сочетаться с нею браком.

Услышав эти слова, император задумался. То было крайне сложное дело, но человеку, трижды выигравшему у императора, трудно в чем-либо отказать.

— Что ж, послушаем, что скажет королева-мать, — ответил он. — Я не могу противиться твоему желанию. Наверное, придется и с нею трижды вступать в бой. Но объединенными силами, я думаю, мы одолеем.

Так оно и случилось. И старый мир стал свидетелем самого разумного, счастливого и благословенного союза. Ибо госпожа Матильда подарила принцу Эренфридо трех сыновей и

семерых дочерей, которые в свою очередь родили множество других. И те на протяжении веков населили бесчисленным множеством принцев и принцесс всю Германию с одного ее конца до другого.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Эренфридо на смертном одре открывает родичам, в чем заключена наиглавнейшая опасность для семейного очага

Благословенным, прекрасным был союз принца Эренфридо и принцессы Матильды. Не только потому, что он увенчался многочисленным потомством, что оба супруга дожили до глубокой старости, не только потому, что ни он, ни она не ведали никаких забот и только участвовали в празднествах двора да управляли своими владениями (между тем почему-то принято считать, что принцы, которые не заняты важными делами, не ведут войн, не управляют государством, — несчастливые люди!). Тут была другая, тайная причина, о которой долгое время не подозревали ни сыновья, ни внуки, ни родичи и друзья благородного Эренфридо. Когда же настал его последний час, старый принц призвал к себе священника, исповедовался и причастился. И лишь затем решил открыть миру свою тайну. Вот что он поведал ближним своим, столпившимся у изголовья.

— Дети и други мои! Пора мне уйти в мир незакатного сияния. И хочу открыть я тайну, чтобы и вам счастливо прожить всю жизнь. Но это касается лишь тех, кто знаком с шахматами, ибо мне именно эта игра помогла обрести желанную долю. Что же до тех, кто не знаком с ней, то пусть выпутываются, как знают, — им я не советчик. И потому здесь должны остаться только шахматисты. Остальные могут уйти.

Но удивительное дело: никто не отошел от постели старого умирающего принца. Правда, кое-кто из мужчин сдвинулся было с места, но жены тотчас же удержали их.

— Что ж, — усмехнулся старец, — я вижу, все вы умеете управлять черными и белыми фигурами. Так вот что я хочу вам рассказать. После того как я удостоился руки госпожи Матильды, выиграв три памятные партии, она изъявила желание сыграть со мной в шахматы ради удовольствия увидеть меня в роли противника. Итак, ровно пятьдесят два года тому назад я приготовил доску и фигуры в комнате, выходящей окном к реке. С той поры никто не сумел открыть эту комнату, ибо ключ от ее двери навсегда утерян. Я ждал, что кто-нибудь найдет его, но так и не дождался. Причина — в той самой тайне, которую я хочу открыть вам сейчас.

Я решил удовлетворить желание моей дражайшей супруги и госпожи, и слух об этом приятном поединке тотчас же распространился по двору, и придворные — мужчины и женщины — объявили, что хотят при нем присутствовать. Сам император распорядился оста-

вить для него место в первом ряду. Партия была назначена на четыре часа пополудни. Пивные кружки для его величества и господ баронов были готовы, пиво в бочках охлаждалось в подземельях. Но тут в час пополудни юный служитель разбудил меня и, упав на колени, сказал:

— Мой благородный господин, я бы не осмелился разбудить тебя и нарушить твой покой, но я знаю, какой у тебя мягкий и добрый нрав.

— Что случилось, Людовик? — спросил я.

— Господин, — продолжал он, — внизу у подъезда ждет незнакомец, который непременно желает поговорить с тобой именно в этот час. Потом, говорит он, будет слишком поздно. Речь идет о спокойствии и счастье твоей светлости.

— Что он за человек, этот незнакомец?

— Это бедный, плохо одетый человек, господин. Но опоясан саблей и по всему видать, что не простого звания.

— Хорошо. Зови его сюда. Это может быть только друг. Врагов у меня нет.

Отрок ввел незнакомца ко мне в покой. Этого человека я раньше не встречал нигде. Он учтиво поклонился. Однако, когда он заговорил, мне почудилось, что я его уже однажды видел.

Юный служитель оставил нас вдвоем.

— Принц, — заговорил человек, — возможно, ты гневаешься, что я нарушил твой покой. Но выслушай меня, и тогда ты с благодарностью пожмешь мне руку.

— Говори, незнакомец. Но прежде назови себя.

— Ничего удивительного, принц Эренфридо, что ты не узнаешь меня в моем нынешнем обличье. Некогда я был обер-егермейстером его величества шведского короля и звался герцогом Донато. Мы познакомились в те дни, когда ты, принц, прибыл на несколько дней ко двору моего повелителя в качестве посла императора. Происхожу я из бедной княжеской итальянской семьи и во многих вещах искусен, от чего и любили и ценили меня при шведском дворе. Будучи лицом пригож, я пришелся по сердцу принцессе Эсме и удостоился чести стать деверем его величества короля. Вот тогда-то, в пору моего возвышения и расцвета, ты и узнал меня. А второй раз ты увидел меня в дни войны во Фландрии. Немного лет прошло с тех пор. Я был тогда ранен, попал в плен. Встреча наша произошла на лесной опушке. Я был только со своим служителем: из раненого плеча хлестала кровь, меня мучили жар и жажда. Ты остановился, подбодрил меня добрыми словами и велел своим людям напоить меня. Затем ускакал, но я не забыл сего доброго деяния. Я выздоровел, но на время лишился свободы. А теперь настала пора отблагодарить тебя за добро.

Я все еще ничего не понимал.

— Как же могло случиться, герцог Донато, что ты, будучи деверем и братом короля, дошел до такого состояния?

— А вот и случилось, как изволишь видеть, — усмехнулся герцог. — Ты должен знать, мой принц, что одним из любимейших моих занятий были всегда шахматы. При шведском дворе меня считали чуть ли не лучшим игро-

ком. Это качество особенно оценила принцесса Эсма. Ей доставляло великое удовольствие сражаться со мной в этой приятной и бескровной войне. Супруга моя играла неплохо, но самолюбия у нее было более чем достаточно. Недолгое время она мирилась с тем, что я выигрывал. Какой-то бес шепнул ей однажды, что единственная цель ее жизни — одолеть своего супруга. Однако мое достоинство не позволяло мне мириться с этим. Всего лишь год мы прожили в любви и согласии, после чего жена моя заболела тяжким недугом и ни о чем более не помышляла, кроме как победить своего супруга. Мы здесь одни, принц, и я могу шепнуть тебе, что были случаи, когда доска с фигурами летела мне прямо в голову. Эсма скрежетала зубами и бросала на меня взгляды, полные ненависти. И все же благоразумие подсказывало мне, что я не должен поддаваться. Немного пришлось мне выигрывать партий после того, как мы с тобой познакомились, ибо вскоре началась война. Во Фландрии я попал в плен. Чтобы обрести свободу, необходимо было уплатить некую сумму выкупа, в соответствии с моим рангом и званием. Я думаю, ты не очень удивишься, узнав, что дражайшая моя супруга Эсма наотрез отказалась уплатить нужное количество золотых. И еще велела передать мне, что весьма довольна: человеку, лишенному элементарных рыцарских достоинств, самое место гнить в подземельях Нормандии. Ни вмешательство короля, ее брата, ни старания моих друзей ни к чему не привели. В черные часы моего заточения я не раз проклинал шахматы. Но затем я благословил их, ибо они оказались

моим единственным утешением. Более того, с помощью шахматных фигур мне удалось обзавестись друзьями даже там, в заточении. После ряда приключений, о которых здесь не место говорить, я все же оказался на свободе. Но я не подумал воротиться к шведскому двору, ибо понимал, что там мне не миновать смертельной опасности. Теперь я снова — бедный рыцарь, скиталец, мечтающий вернуть былую удачу на службе у могучего императора Оттона. Владею тайным искусством сабельного боя, а также знаниями по части штурма и защиты крепостей, неведомыми полководцам. Когда-то я был полезен шведскому королю, теперь постараюсь служить императору и провести остаток дней при его дворе. Прибыв сюда, я тотчас же узнал о твоём браке и порадовался от чистого сердца, желая тебе всяких благ. Но я счел своим долгом отблагодарить человека, спасшего мне жизнь, дав ему добрый совет в самый ответственный час его жизни. Вся столица говорит о сегодняшней шахматной партии. После всего того, что я рассказал тебе, мой принц, я полагаю, что ты должен во что бы то ни стало отказаться от поединка.

Вот что поведал мне ровно пятьдесят два года тому назад мой друг герцог Донато. Я пожал ему руку и учтиво поблагодарил его, выказывая глубочайшее уважение. Несколько дней спустя он стал нашим обер-егермейстером, и вы долгое время видели его при дворе и восхищались им. И сразу же после того, как я пожал ему руку, я подошел к двери комнаты, где ждала доска с шахматными фигурами, вынул ключ и бросил его в волны реки.

Я не хочу сказать, дамы и господа, что я опасался своей супруги. Но поверьте мне: стратегия — самая полезная наука не только в военных, но и в семейных делах. Позднее герцог Донато раскрыл мне тайные и отдаленные причины поведения принцессы Эсмы. Было трудно ожидать, чтобы правнучка короля Канута и других нормандских правителей повела себя иначе.

По словам Донато, король Канут был неистовым шахматистом. Ведь и в этой игре, как и во всех прочих, раскрывается прежде всего человеческий характер. Жил при дворе его величества короля некий граф Ульф, который не страшился соперничать с ним в игре. Однажды во время очередной партии король сделал неправильный ход. Граф, воспользовавшись ошибкой, взял королевского коня.

— Это неправильно, — заметил король, — ведь я ошибся...

— Возможно, ваше величество, — возразил граф, — но я вправе воспользоваться этой ошибкой. Шахматные правила, как и законы войны, позволяют мне это. Взять обратно сделанный ход нельзя.

— Нет, можно, — настаивал король. — У меня в запасе гораздо лучший ход, он обеспечит мне победу.

— Закон есть закон, — возвысил голос граф Ульф, — и ему должен подчиняться даже король, пусть речь идет всего лишь о шахматной партии.

— Напоминаю тебе, Ульф, что сами шахматы предусматривают для короля особые привилегии.

— Но они же предусматривают, мой король,

и формулу “шах и мат”, которую я сейчас же с удовольствием предложу вашему величеству.

— Этому не бывать, ибо я беру обратно свой ход и возвращаю коня на прежнее место.

Граф схватил коня, король попытался вырвать у него фигуру из рук. Противники гневно уставились друг на друга, словно повздорившие смерды. Граф Ульф толкнул коленом шахматную доску и опрокинул фигуры, затем поднялся и, грозно нахмутив брови, удалился.

— Ульф, ты трус! — крикнул ему вслед король. — Убегаешь, потому что проиграл партию.

— Это я-то трус? — повернулся взбешенный граф. — Или ты запамятовал, король Канут, кто бежал в схватке со шведами? Да ты бы полетел вниз головой в волны Эльги, не будь меня рядом. Враги окружили тебя со всех сторон. Тогда я не был трусом.

Король схватил первую попавшуюся шахматную фигуру и в ярости разгрыз ее зубами. Потом заметался вокруг доски, бормоча проклятия. Крикнув верных своих людей, он грозно взглянул на них и повелел немедля принести ему голову графа Ульфа. Служители обнажили сабли и, найдя графа, тут же обезглавили его. Потом поставили голову на шахматную доску, и король, криво ухмыльнувшись, пнул ее ногой.

От подобных игроков вела свой род принцесса Эсма, первая жена нашего друга Донато. Я мог легко предположить, что прадеды моей госпожи, принцессы Матильды, были терпимее за шахматной доской. И все же предпочел последовать совету герцога Донато. Когда

Всевышний призовет меня к себе, велите умельцу открыть дверь комнаты. Вы там обнаружите доску и фигуры, расположенные в нужном порядке еще полвека тому назад. Запомните мой совет и передавайте его своим потомкам из поколения в поколение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*о шахматном бесе, появившемся в Европе
в годы царствования великих императоров
и королей*

В 1770 году по всей Европе разнеслась весть о небывалом чуде — автомате, играющем в шахматы. Сперва он появился при венском дворе. Эрцгерцоги во главе с императрицей Марией Терезией восхищались им. Удивленно покачивали головами маршалы и прочие старые сановники. Философы и физики разводили руками, отказываясь объяснить это противоестественное явление. Между тем они присутствовали при игре, видели все своими глазами и должны были признать достоверность того, что происходило. Сам канцлер принц Кауниц мрачнел и хмурил брови.

Барон Кемпелен показывал всем куклу ростом со взрослого человека. Кукла, изображавшая некоего азиата в тюрбане, восседала на стуле перед столиком-шкафчиком, на котором располагались фигуры. Любой желающий мог померяться с ней силой. Автомат играл

точно, глухо бормотал и неизменно выигрывал.

Герр Виндиш, оставивший занимательный рассказ о событиях эпохи, чистосердечно признает, что, наблюдая за игрой автомата, был склонен поначалу заподозрить хитроумный обман. Скорее всего, в этом шкафчике скрывался человек — дитя малолетнее либо лилипут. При помощи некоего механизма существо это приводило в движение автомат. Но барон Кемпелен, высокий поджарый мужчина в аккуратно сшитом сюртуке, с застывшей улыбкой на лице, должно быть, догадывался о мыслях и предположениях придворных маловеров. И потому, подойдя к человеку-кукле, он поднимал шелковый халат и обнажал самые обыкновенные ноги. Затем открывал дверцы шкафчика и выдвигал ящички: все могли убедиться, что в ящиках были фигуры, а за дверцами — бесчисленные рычажки, колесики, цилиндры. В одном из отделений шкафчика под какими-то полукругами помещалась шкатулка и подушечка. Барон доставал шкатулку и ставил ее на соседний столик. Подушку он подкладывал под правый локоть автомата. Затем извлекал из ящичков шесть небольших шахматных досок с шестью различными вариантами эндшпилей. Автомат предлагал сыграть либо белыми либо черными любой вариант и обязательно выигрывал. Более того, чтобы не оставить и малейшего сомнения, господин Кемпелен одновременно раскрывал передние и задние дверцы шкафчика, поочередно освещая свечой детали сложного механического устройства автомата. Затем ставил зажженную свечу вблизи авто

мата на столике. Он то выдвигал ящик, то открывал дверцу. Порой заглядывал в шка- тулку, порой поправлял огарок свечи. Иногда он неподвижно застывал, особенно если авто- мату предстояло сделать важный ход. Герр Виндиш был даже слегка шокирован, когда барон для вящей убедительности не только поднял края халата, но даже расстегнул ша- ровары в присутствии придворных дам и по- казал собранию очередной набор колесиков. Разумеется, это был не выпад в адрес столь элегантных дам, знаменитых своим изящест- вом и обхождением, а стремление убедить тех маловеров, которые могли бы предположить, что живое существо скрывается в самом ту- ловище куклы.

Искусные шахматисты играли с автоматом и неизменно проигрывали. Эта чудовищная сила, имевшая больше отношения к области духа нежели материи, могла действительно заставить призадуматься. Откуда она взялась, эта кукла? Барон Кемпелен отказывался давать какие-либо пояснения. По облику куклы мож- но было предположить, что она вывезена из Азии, скорее всего из Индии. Только там, в недрах этой таинственной страны, где нищие факиры играючи опровергают законы физики, можно было найти формулу, которую упоми- нают сказки “Тысячи и одной ночи”. За пре- делами того, что мы называем материей, рас- суждал герр Виндиш, находится царство тайн, недоступных профанам. В этом царстве, где некогда господствовала магия, где действовал Аполлоний Тиранский, где и поныне обрета- ются таинственные чудотворцы Азии, возмож-

но и такое чудо, как этот автомат. Только там оно еще возможно. Потому что кукла в турбине, несомненно, движима таинственной демонической силой.

Конечно, барон Кемпелен заводил пружины автомата ключом, который вставлял в лопатку куклы, но нетрудно было понять, что это была всего лишь уловка, направленная на то, чтобы сбить людей с толку. Пружина могла привести в действие руки и пальцы, даже губы: автомат двигал губами и произносил “шах” и “мат”. Но сам ход партии разоблачал весь трюк с заводкой. Разумеется, пружины тоже играли свою роль, ибо производили сильное впечатление на зрителей, но мыслителям прежде всего надлежало задуматься над духовной стороной явления. В сущности, не меньшим чудом было бы, если бы фигуры, благодаря силе, заложенной в них самих, самостоятельно двигались бы на доске. Правда, в таком случае господину Кемпелену, как колдуну, угрожала бы лютая смерть на костре. Следовательно, подчеркивание материального аспекта диктовалось скорее всего осторожностью. Но могло быть и нечто иное. Знаменитый Калиостро доказывал тем, кто хотел ему верить, что мастера оккультных наук были всегда заняты мыслью построить такое чудовище, человекообразного робота, более совершенного, чем человек, ибо у него нет страстей и движется он с точностью и неотвратимостью небесного тела. Такой робот может оказаться куда как полезен в домашнем хозяйстве. Его можно использовать при желании для того, чтобы играть в шахматы и быть непобедимым. Его можно приспособить даже для

любви. Несчастный, попытавшийся первым сделать это, некий падуанский ученый, сошел с ума и сжег собственное создание, в которое влюбился. Так как назначением куклы была любовь и только любовь, она осуществляла над ним жуткую тиранию. То, что у людей принято называть демонами и дьяволами, суть на самом деле лишь такого рода поделки ученых мужей, пытающихся состязаться с самой природой. Иногда мир узнает о той или иной удачной попытке, однако жизнь ее крайне коротка. Такие создания — словно обманчивый порыв ветра, солнечный блик на закате, эхо в горных теснинах. Это Мефистофель, прельщающий Фауста, куртизанка, входящая вихляющей походкой в келью фиванского затворника. Такое случилось с каждым из нас хотя бы раз в жизни. Но логика наша помешала нам задуматься над этим. Что же касается демонов, то есть гомункулов, абсурдных выдумок ученых-еретиков, то они существовали во все времена и еще появятся не раз.

Итак, единственным назначением создания барона Кемпелена было играть в шахматы, что вызывало безграничное удивление, даже оцепенение придворных императрицы Марии Терезии. Стоило барону завести куклу, как раздавался столь свойственный часовым механизмам скрип поднимаемых гирь и автомат склонялся над доской с шахматными фигурами. После небольшого размышления он медленно поднимал правую руку, поворачивал ее к фигуре, которую собирался передвинуть, крепко сжимал ее пальцами и переставлял на положенное место.

Нашлись и такие несерьезные люди, которые делали заведомо неверные ходы, чтобы запутать игру. Но автомат был неумолим. При самом незначительном нарушении правил он недовольно покачивал головой, затем сам возвращал фигуру на положенное место и делал ответный ход. Когда после неожиданного, но глубоко продуманного движения автомат бормотал слово “шах”, партнера бросало в холодный пот. Затем с фатальной неизбежностью следовало роковое “мат”. Пораженный партнер не мог оторвать испуганных глаз от губ куклы: в решительном ее тоне, в пристально смотревших глазах было нечто поистине бесовское.

— А все-таки, что же это такое, господин барон? — спросила императрица, как истинная женщина, сгорая от любопытства.

— Ваше величество, — учтиво поклонился барон Кемпелен, — это всего лишь автомат.

— Я действительно вижу, что движения у него ловки и быстры, — согласилась Мария Терезия. — Но в нем должна быть некая движущая сила.

— Я восхищен тонкостью замечания вашего величества, — ответил барон.

— Но мне хотелось бы узнать, что это за сила.

— Это не так-то просто объяснить.

— И все же какое-то объяснение должно существовать. Не соизволите ли вы сообщить мне его?

— Я заверяю ваше величество, что лучше, чтобы сия тайна оставалась нераскрытой.

— Должно быть, тайна заключена именно

в этих колесиках и пружинах, которые мы видели?

— Этого отрицать я не могу. Я и назвал моего игрока роботом. Претендовать на что-либо другое было бы просто неприлично. Это вызвало бы негодование университетских профессоров. И прежде всего это навлекло бы на меня гнев его высокопреосвященства кардинала, который не может позволить, чтобы чудеса происходили в неположенное время. Итак, перед вашим величеством всего лишь автомат.

— Понимаю. Я сама тоже так определила его.

— Однако, — серьезно возразил господин Кауниц, — возможно ли, чтобы автомат обдумывал ходы — притом с такой глубиной и так быстро? Дело автомата — механические движения, а не разумные решения.

— Я согласен, что в этом есть некая странность. Но не будь ее, стоило ли предлагать механизм вниманию двора ее величества?

— Вполне возможно, что речь идет о магнетическом воздействии, — предположил господин Финк, придворный физик.

— Нет, никакого магнетического воздействия тут нет, — возразил он сам себе после долгих раздумий. Для этого следовало бы допустить, что между куклой и господином Кемпеленом существуют какие-то непосредственные связи. Его жесты, взгляды, аппарат, обеспечивающий связь, должны были бы постоянно воздействовать на механическую куклу. Между тем господин Кемпелен с видом полного равнодушия то засовывает руки в карманы, то вынимает их оттуда. Заглядывает в шкатулку, после того как автомат

сделал очередной ход, а иногда и до того, как он передвинул фигуру. А то и вовсе не смотрит. Порой он позволяет себе даже зевнуть со скучающим видом, именно в то самое мгновение, когда кукла делает чуть ли не гениальный ход. Частенько он прохаживается по залу, между тем как партия идет своим ходом.

Его сиятельство папский нунций по своему обыкновению тайком нюхал табак, и в его слезящихся глазах застыло выражение подозрительности, не сулившее ничего хорошего господину барону на том свете.

— Я бы предложил передвинуть автомат и шкафчик, — проговорил господин Финк.

— Нет ничего легче, — ответил барон.

Он передвинул автомат и шкафчик, устроенные на колесиках. Затем переменял место столика со свечой.

— А вот столик со свечой пусть остается на прежнем месте, — продолжал господин Финк.

— Хорошо, — невозмутимо согласился барон.

— А свечу поставьте на стул.

— Извольте, — опять кивнул барон. — Более того, я попрошу уважаемого господина советника Финка проделать это своими собственными руками.

Всему двору было видно, как дрожала рука господина советника, пока он передвигал свечу.

— Шах! — пробормотал при этом автомат. — Мат, — добавил он тут же.

Господин Кемпелен в это время смотрел в окно, любуясь церемонией смены караула в огромном прямоугольнике Гоффбургского дворца.

Несколько вельмож в напудренных париках, из тех, что проиграли кукле не одну партию, о чем-то шушукались, столпившись в стороне и бросая то и дело недобрые взгляды на своего победителя в тюрбане.

— Давайте сыграем партию`сообща, — решили они. — В конце концов мы лучшие шахматисты Вены. Неужто мы не одолеем эту смешную восточную куклу?

Но одолеть смешную куклу им так и не удалось. Она легко развернула фигуры, удачно расположила слонов и коней.

— Ни в одной европейской столице не увидишь столь яркого спектакля, — молвил между тем господин Кемпелен и отошел от окна. Конечно, он имел в виду гвардейцев ее величества.

— Шах, — изрек автомат. — Шах и мат!

Благородные господа в париках отошли в великом смущении.

Об этом подвиге автомата заговорил весь цивилизованный мир. На всех дорогах Европы в том же 1770 году, на больших заезжих дворах, где останавливались бюргерские дилижансы и пышные кареты аристократов, в городах, замках, в герцогских и королевских резиденциях от Петербурга до Лиссабона только и было речи, что об этом чуде.

Барон Кемпелен появлялся то в одной, то в другой столице, предшествуемый шумной славой. Он побывал со своим автоматом при дворах немецких князьков, затем посетил Лондон, Париж. Всюду — удивление, восхищение, недоумение. Наконец, он показал свое изобретение в Берлине, и король Фридрих II, один

из самых горячих поклонников шахмат того времени, был совершенно покорен.

— Это нечто выходящее за пределы философии и поэзии, — твердил король окружавшим его генералам. — Мне не стоит особых усилий представить себе, что этот изобретатель, подаривший миру шахматного бога в тюрбане, мог бы с тем же успехом создать генерал-адъютанта, который сопровождал бы короля на полях битв. Такой автомат, вернее говоря такой дьявол, никогда не ошибается. Вот вам средство завоевания всей Европы, а если понадобится, то и всего мира. Господин Кемпелен, — продолжал с улыбкой его величество, — возможно ли создать таким же образом совершенного генерал-адъютанта?

— Сомневаюсь, ваше величество, — учтиво ответил барон. — Более того, пока на прусском престоле находится Фридрих II, это представляется мне совершенно излишним.

— Я верю вам лишь наполовину, господин барон, — возразил король. — Вещь, которую вы показали нам, столь необыкновенна, что я испытываю желание узнать незамедлительно ее секрет. Для этого я готов уступить вам долю военной контрибуции, внесенной в мою личную казну. Итак, господин Кемпелен, я желаю купить автомат и его секрет. Но предупреждаю вас: душу и тень свою продавать не собираюсь. Обещайте, что подобная сделка исключена. Если тут нет никакой магии, я готов заплатить за вашу куклу любую сумму.

Барон побледнел и почтительно поклонился.

— Ваше величество, — произнес он, — не могу отказать. Я к вашим услугам.

Волнующая и таинственная встреча Фридриха Великого, господина Кемпелена и индийского гомункула состоялась на второй же день. Генералы и придворные гадали, какие чудеса и катастрофы последуют за этой встречей. Предварительно казна короля выплатила барону громадную сумму. Первым показался барон Кемпелен со скупой ледяной улыбкой на устах. Его величество вышел три часа спустя. На лице его блуждала та же улыбка, что и у Кемпелена. Он не проронил ни слова насчет автомата. Следовательно, предстояли поистине грозные события.

Ничего, однако, не произошло. Индиец канул бесследно. Никто больше не видел его, никто о нем не слышал. Фридрих Великий пронесся метеором по небу Европы, а вскоре на Западе вспыхнуло зарево революции. Потом появился новый метеор. Когда Наполеон вступил со своими полками в Берлин, таинственный индиец снова появился.

На этот раз у него был новый хозяин, господин Мельцель. Тридцать лет бездействия и прозябания в неизвестности ничуть не сказались на исключительных способностях шахматного гомункула. Аустерлицкий победитель пожелал сыграть с ним и проиграл.

— Шах! Шах и мат! — пробормотал индиец, и император удивленно взглянул на него, не понимая, как он мог так быстро и просто проиграть партию.

Это было вещее поражение. Император улыбнулся среди общего шума и проследовал своим неотвратимым путем. А автомат возобновил странствия по Европе под руководством гос-

подин ~~мельцеля~~. В великих столицах — Париже и Лондоне — еще помнили прежние успехи автомата и встречали его с удовольствием, тем более что ко всем прежним победам прибавилась еще одна — над Наполеоном. Доктора оккультных наук вновь пытались найти объяснение этому феномену.

Наконец, автомат в тюрбане очутился при Баварском дворе. В анналах того времени сохранились подробные описания всеобщего потрясения и восторга зрителей. Иные придворные дамы теряли сознание при одной мысли о дьявольских тенетах магии.

Принц Евгений не устоял перед искушением узнать тайну шедевра и особенно тайную науку, создавшую подобное творение.

Как и его предшественник, господин Мельцель покорился воле принца. Сделка состоялась за тридцать тысяч франков. Получив их, господин Мельцель тут же приступил к делу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой обнаруживается
таинственная подоплека
великих чудес нашего мира.*

— Ваше высочество, — проговорил господин Мельцель, остановившись со взволнованным принцем перед индийской куклой, — преамбулу моего объяснения составляет истина, при-

годная во все времена: секрет, переставший быть секретом, теряет всякую притягательную силу. А теперь извольте убедиться, сколь прост механизм этого несравненного шахматиста.

Сказав это, господин Мельцель открыл одновременно обе створки шкафчика. Сложный механизм куда-то исчез: вместо него взору предстал маленький человечек, сидевший на подвижной дощечке в крайне неудобной позе.

У принца Евгения презрительно оттопырилась нижняя губа. Итак, дело было в простом трюке? Какая пошлость!

И все же любопытства ради следовало выяснить некоторые вопросы. Каким образом кукла издает звуки? Как она передвигает фигуры? Откуда она знает их местоположение?

Все, оказывается, оставалось в пределах простой механики. Ничего выдающегося. Между тем царский отпрыск ждал откровения, познания великой тайны. Со времени Прометея человек мечтал похитить у богов священную таинственную искру. Эта вечная жажда принесла ему столько разочарований! Кажется, решение рядом, но это очередная иллюзия. Кажется, вот-вот будет завоевана та недоступная область, предназначенная лишь для узкого круга посвященных, и будут укрощены таинственные силы, могущие обеспечить своему владыке абсолютное превосходство. Это не пыльные смерчи, поднятые на мгновение Александром Македонским или Чингисханом, а корни, уходящие в вечность. Это возможность возродиться из собственного пепла, подняться выше весен и осеней жизни, не знать ни голода,

ни страданий, ни смехотворных томлений любви. Шахматист же барона Кемпелена и господина Мельцеля был всего лишь искусно придуманным механизмом.

Правда, весьма искусно и тонко придуманным механизмом.

— Благоволите заметить, ваше высочество,— продолжал торговец чудесами, — что все пружины, рычаги и колесики, которые предлагаются вниманию зрителей, могут легко передвигаться и, по желанию человека, сидящего внутри, складываться наподобие мехов. Пока люди осматривают одну половину, мой человек отсиживается в другой. Если же я открываю обе створки, он втискивается в корпус автомата. Достаточно нескольких репетиций, чтобы научиться проделывать эти махинации, дергать веревку, приводящую в движение руку, механизм управляющий пальцами, устройство мехов, произносящих “шах” и “мат”. Извольте послушать.

Автомат пробормотал оба слова, а человек между тем вышел из шкафчика и скромно отошел в сторонку. Это было невзрачного вида тщедушное, но гибкое существо, с большими глазами и высоким лбом, тот истинный шахматист, что выигрывал все партии. Но принц и бровью не повел в его сторону. Щуплый человек отметил это про себя с печальной и тонкой улыбкой.

— Сидя в шкафчике, мой человек следит за игрой на специальной доске со вставленными в клеточки фигурами. Над его головой находится другая доска с пронумерованными клеточками, представляющая собой оборотную

сторону доски, на которой происходит поединок. Фигуры, имеющие в основании сильные магниты, заставляют двигаться на оборотной стороне маленькие металлические рычажки. Человек внимательно следит за этими рычажками. Когда противник поднимает фигуру, с тем чтобы передвинуть ее на другое место, рычажок, оторвавшись от магнита, опускается. Когда фигура опускается на другой квадрат, соответствующий рычажок под воздействием магнита поднимается. Таким образом шахматист прекрасно осведомлен о ходе партии. Он воспроизводит его на своей доске и указывает автомату очередное движение. При этом темный шкафчик освещен внутри свечой. Но чтобы случайно не прорвался луч сквозь щелку и не вызвал подозрений, необходимо, чтобы свеча, при помощи которой осматривают механизм автомата, оставалась гореть где-нибудь рядом. Так “снимается” внутренний свет. Вот вам, ваше высочество, в нескольких словах вся тайна.

— Ну что ж, дело, действительно, задумано ловко, — пренебрежительно заметил принц. — Одного не понимаю, что мне делать с этим вашим устройством? Купив его, я просто сделался посмешищем.

— Понимаю, принц. Но вы должны согласиться, что я мог предложить лишь тот товар, за который мне заплачено. Если ваше высочество полагало тем самым купить еще нечто, я в этом не повинен. Вы должны признать, мой принц, что рецепт алхимика или магическую формулу нельзя купить за тридцать тысяч франков. Алхимик или волшебник сами располагают всеми богатствами, которые они только

пожелают, правда, они им ни к чему. Так уж заведено: за их тайну платят душой, а то и жизнью. И все же я вас уверяю, что порядок этот хорош. А я за полученные от вашего высочества деньги только и сделал, что удовлетворил ваше любопытство. Конечно, не могу не признать, что цена несколько завышена.

— Ага, вы, стало быть, признаете, что цена завышена.

— За любопытство, как и за любовь, всегда платят больше того, чего они стоят, ваше высочество. Хотел бы лишь заметить, что в нашем деле убыток несу и я, а не только вы, принц. Ведь я бы мог заработать гораздо больше, если бы я не продал механизм, а продолжал бы его демонстрировать. Должен признаться, и заранее прошу у вашего высочества прощения, что господин Муре, этот любезный, скромный и отменный шахматист, который сидит в сторонке и слушает нас, предвидел в точности все, что произойдет. “Его высочество принц, — сказал он, — продаст тебе обратно автомат, ибо ему нечего делать с ним. Конечно, кое-какие издержки ему придется понести, но он продаст автомат, чтобы не лишиться людей приятного зрелища, а нас — заслуженных барышей”.

— Насколько я вижу, господин Муре и впрямь отличный шахматист, — заметил принц.

Господин Муре поклонился.

Став снова владельцем автомата, господин Мельцель продолжал свои странствия. При этом шахматисту доставалась определенная доля барышей. Где они ни устанавливали свой шатер, люди собирались толпами смотреть невиданное чудо.

— Уважаемая публика, — начинал свою стереотипную речь демонстратор, указывая театральным жестом на индийца, — перед вами уникальнейшее явление нашего времени. Это тот самый шахматист-автомат, который более тридцати лет тому назад играл с Фридрихом Великим, а год тому назад — с императором Наполеоном. Он готов сыграть со всяким, кто пожелает, и предлагает фору — пешку и ход. При этом уверяю вас, что вы все равно проиграете. Зато сможете утешать себя тем, что вашу участь разделили названные мной августейшие особы, которые также сооблаговолили проиграть.

Автомат в тюрбане выигрывал партию за партией, а заодно и долю, причитавшуюся господину Муре.

Покинув место последнего сражения, товарищи останавливались на постоялом дворе, любовались природой, шутили со служанками, насыщались сочным куском зажаренного мяса, после чего тщательно делили прибыли.

Однако, используя механизм, не менее изощренный, чем устройство автомата, господин Мельцель стал постепенно задерживать суммы, полагавшиеся его компаньону. Объяснял он это тем, что хотел тем самым укрепить их союз: господин Муре, великий охотник до субреток, мог где-нибудь отстать или умчаться в дилижансе в неведомом направлении в сопровождении очередной юбки. Эти меры предосторожности, которые господин Муре принимал со снисходительной улыбкой, постепенно превратились в подобие системы управления. Такова в сущности и современная система взимания

налогов: тебя обирают до нитки, а взамен не дают ничего.

Господин Муре все настойчивее требовал положенных ему денег. А господин Мельцель по-прежнему откладывал окончательный расчет.

Так прошел год. И наконец господин Муре доказал, что шахматисты — народ, не лишенный остроумия.

В ту пору компаньоны находились в Амстердаме. Его величество король зарезервировал с утра весь зал и повелел уплатить в кассу три тысячи франков. Двор готовился во всем великолепии прибыть на поединок с автоматом в тюрбане.

Господин Мельцель в прекрасном настроении отправился в гостиницу — сообщить товарищу приятную новость. Затем заказал вкусный обед и стакан доброго старого вина. Потирая руки и поздравляя себя с удачей, он подсчитывал в уме барыши, затем поспешил в зал, чтобы устроить все в лучшем виде к половине первого, когда ожидалось прибытие короля.

Автомат находился в соседней с залом комнате, за плотными занавесями. Часы пробили двенадцать. Господин Муре, отличавшийся редкой пунктуальностью, на этот раз не показывался. Господин Мельцель, встревожившись, прошелся несколько раз вокруг автомата, затем, схватив со шкафчика шляпу, помчался в гостиницу. Он постучал в дверь и вошел к своему спутнику. Тот лежал в постели, бледный, весь в поту и корчился в судорогах.

— Что случилось, дорогой друг? Что с вами?

— Не знаю, господин Мельцель. Должно быть, конец мой близок. У меня жуткий озноб.

— Как же так? Час назад вы были в полном здравии.

— Это словно удар молнии. Сдается мне, что это самый настоящий мат, господин Мельцель. Надо позвать нотариуса, я хочу сделать последние распоряжения.

— Но ведь король прибудет через полчаса.

— Что же я могу поделатъ. Прибудет и уйдет.

— Но что я ему скажу?

— Что у автомата дикий озноб...

— Гм, мне не до шуток, друг мой.

— А я и не шучу.

— Да поймите же вы, что я получил значительную сумму денег. Вы же разоряете меня.

— А что я могу поделатъ? Ничего...

— Придется деньги отдавать обратно.

— Отдадите.

— Я прошу вас, друг мой, встаньте и пойдите со мной.

— Невозможно.

— Я побегу за врачом.

— Это бесполезно.

— Что же делать? Боже милосердный. Уже ли нет никакого выхода?

— Не знаю. Может быть, и есть.

— Какой?

— Вы сейчас же отдадите мне в руки положенные мне 1500 франков.

— И это все? Будьте спокойны. Вечером я вам отсчитаю всю сумму до последнего сантима.

— Нет, не вечером, а сию минуту.

Получив желанное лекарство, господин Муретут же выздоровел, вскочил с кровати и поспе-

шил к автомату, чтобы занять свое место. И сыграл, надо сказать, одну из самых вдохновенных своих партий.

Его величество лично не играл, он только подавал советы военному министру. Таким образом, поражение следовало отнести целиком на счет последнего. Король ограничился загадочной улыбкой: ответственность в конце концов всегда ложится на плечи министров.

Из Европы индеец отправился в Америку. Сев на пароход в Роттердаме, он благополучно пересек океан и достиг Нового света. Американцы высоко оценили коммерческие достоинства механизма, ничуть не интересуясь сверхъестественным аспектом дела. Они энергично поздравляли господина Мельцеля и тут же равнодушно отворачивались. В те времена в Нью-Йорке не было еще небоскребов, метрополитена, воздушных дорог и шестимиллионного муравейника жителей. Пустующие кресла заполняли фермеры, приехавшие в город из его окрестностей. Известный фокусник Йошуа Линкольн внезапно обнаружил, что теряет своих зрителей из-за индийского шахматиста. Люди валили к автомату толпой. Будучи человеком разумным, он однажды покинул свой пустой балаган и пришел к соседу посмотреть, чем объясняется столь великий интерес толпы. Он внимательно следил за тем, как Мельцель открывал поочередно створки шкафчика, проследил за ходом партий и без особого труда сообразил, что имеет дело с собратом-конкурентом. Сладко улыбнувшись господину Мельцелю, он достал из кармана бумажный патрон, дернул за нитку и над головами зрите-

лей вспыхнуло ослепительное солнце. Тут же раздались вопли:

— Горим!

Европейцы, конечно, додумались бы проследить за поведением шахматиста. Но американцы в первые мгновения паники были охвачены одним желанием — спастись: они толкали друг друга, раздавая удары налево и направо, пробивая себе путь к окнам, ступая по телам женщин и детей. Один лишь господин Йошуа сохранял при этом полное спокойствие. Посасывая трубку, он с интересом следил за смешными, беспорядочными движениями автомата, который явно пытался изменить восточную позу, вытянуться, вылезти из собственной шкуры. Выражение его лица при этом оставалось прежним, но он, казалось, обезумел, пытался делать невозможное. Все сооружение — доска, шкафчик, автомат — приплясывало на месте. У господина Мельцеля хватило выдержки быстро задернуть занавес и скрыть от глаз эти не столь чудодейственные, сколь подозрительные движения. Вскоре установили порядок. Мистер Йошуа узнал все, что ему хотелось. Публика вернулась — началась очередная партия.

Вечером мистер Линкольн нанес визит господину Мельцелю и предложил ему стакан виски с содовой. Затем произнес речь следующего содержания:

— Я понял, мистер Мельцель, что вы отправляетесь на запад с вашим интересным шахматным сооружением. Предупреждаю, однако, вас, что на западе городская жизнь менее благоустроена, чем у нас. Вы окажетесь в местах, где

фермеры, прискакавшие верхом, могут в порыве энтузиазма пальнуть в ваше сооружение из своих кольтов. Разумнее было бы остаться вам здесь или вернуться в Европу. А еще лучше, чтобы мы не оказались с вами в одном и том же месте. Не люблю конкуренции. Ваше здоровье. Гуд бай.

Мрачные прогнозы фокусника оправдались в точности. Автомат погиб во время пожара в одном из бараков, воздвигнутых по случаю какого-то благотворительного праздника. Господин Мельцель остался там же вместе с индийцем, удобрив своим прахом землю Нового света.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой речь идет о подлинных автоматах

— Слушай, Петр, — обратился как-то Всевышний к своему ключарю, — я вижу, что на земле бедные потомки Адама силятся придумать разные штуки, развлечения или пользы ради, а потом сами любят делом своих рук, уверенные, что они сами все это изобрели. Они создали колесо и рычаг, открыли огонь, заставили работать на себя пар, подбираются к электричеству, играют в шахматы. Они явно убеждены, что “хомо артифекс” придумал и придумывает все это, и непрочь придать этим двум словам особое, вещее значение.

— Что я могу сказать, Господи? Иллюзия часто бывает сильнее действительности, — ответил Петр.

— Несомненно. Я вложил в эту игру воображения силу, чтобы снабдить необходимым горючим главный двигатель, который я подарил человечеству.

Смертные людишки изливают восторги по поводу колеса и пара, меж тем как восторгаться им следовало бы своим гибким умом. Ведь любое так называемое открытие заранее заложено в вещах и явлениях. Рано или поздно человеческий ум исторгает его из кладовой природы. Сегодня они, например, на все лады восхваляют пар; скоро научатся с его помощью двигать колеса, завтра откроют электричество и превратят его в свет. Придет время и станут доступны эфирные волны, которые они назовут именем Герца. Но силы природы и возможности останутся по-прежнему неисчерпаемы, хотя людям и будет казаться, что они их почти исчерпали. Каждый раз, открывая новое, люди будут напоминать детей, убежденных, что найденная вещь принадлежит им. Чем глубже они проникнут в тайны неведомого, тем больше им будет казаться, что они знают все. На самом деле им дано обладать лишь малой частицей вечного. И хотя область того, что они именуют наукой, становится все шире, они никак не могут уразуметь этой истины. Они придумали мне имя и изобразили почему-то густобородым старцем. Да еще наградили меня спутником, как в притче, и распустили обо мне какие-то слухи про чудеса и откровения. Между тем разум дан им для более высокой цели.

Теперь они смастерили куклу-автомат, играющую в шахматы и ставшую притчей во языцех.

А ведь та сила, о которой они мечтают, те непобедимые виртуозы шахмат, которые снятся им, находятся среди них. Не прибегая к механизмам и трюкам, они творят чудеса.

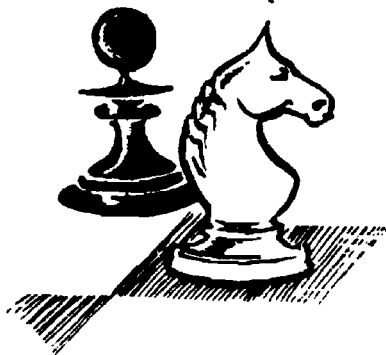
И святой Петр поспешил на землю, чтобы убедиться в этом собственными глазами. Он наблюдал поочередно за игрой Филидора, Морфи и Пильсбери и схватился за голову. Автоматы были совершенно излишни.

Повторяя давние подвиги Али-Шатранжи, Абу-Селима и Греко, французский музыкант Филидор играл одновременно три партии, не глядя при этом на доски. Затем около 1850 года появился американец Пол Морфи, который проделывал этот фокус на восьми досках. Самые сильные игроки Лондона и Парижа сидели за этими досками, размышляя и придумывая ходы. Между тем американец любовался картинами на стенах или смотрел в окно. Узнав очередной ход, он тут же называл ответное движение. На всех восьми досках он выигрывал, ни разу не взглянув на расположение фигур. Лучшего автомата не придумать. И все же он был лучше всякого автомата, потому что иногда партия заканчивалась вничью. Очень редко, волей высшей мудрости, заложенной в вещах, он даже проигрывал.

Но куда лучше доказал, что автоматы излишни, другой американец, адвокат по имени Пильсбери. Этот тщедушный, жалкий на вид человечек повторял подвиг предшественников, при этом вел поединок на сорока досках. В то время как сорок его противников ломали голову над очередным ходом, он развлекал окружающих, показывая им другие фокусы: он точ-

но воспроизводил список в сто собственных имен, прочитанный ему один раз. Тасовал карты и, посмотрев однажды, в каком порядке они расположены, воспроизводил этот порядок, называя все пятьдесят две карты. Затем ему передавали ходы того или иного соперника. Он отвечал столику № 8, или столику № 17, или № 31. По окончании игры его просили пересказать, например, ход партии № 20. Он называл по очереди движения белых и черных фигур с начала до конца партии.

Так было доказано, что поделки “хомо артифекс” куда примитивнее поделок самого человека. И потому трудно понять, чего в сущности добивались король Фридрих и принц Евгений. А в наши дни, когда радиоволны уносят изображение и звуки в вечные безбрежные просторы, единственное, о чем стоит задуматься, так это о тех неисчислимых открытиях, которые еще предстоят человеку. Конечно, всего он так и не узнает, ибо смертен. Многие пролежат втуне, словно непроросшие семена, погибшие в вихре противоречивых сил.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая,
содержащая рассказ о рождении и первых подвигах нашего главного героя, а также некоторые философские рассуждения по этому поводу 3

Глава вторая,
в которой повествуется о персах и шахе Хосрове, о царе византийском Маврикии и, наконец, о прославленном багдадском халифе Харун ар-Рашиде и его возлюбленном сыне ар-Амине 9

Глава третья,
в которой повествуется о Карле Великом, властителе западного мира, о Гарине, принце Аквитанском, и о шахматной игре, а затем предлагается новый рассказ о бессмертных влюбленных Тристане и Изольде 21

Глава четвертая,
в которой рассказывается о случае, происшедшем в знаменитой харчевне “Хромая кляча” славного Андреа Барбароссы 30

Глава пятая
о более чем странном завершении истории, к которой причастны монсеньор Джерардо, флорентийский епископ, врач Абу-Селим и его высокопреосвященство кардинал Остии 39

Глава шестая,

в которой еще явственнее обнаруживается связь между высшей силой и нашим героем благодаря случаю, происшедшему с принцессой Матильдой и принцем Эренфридо 51

Глава седьмая,

в которой Эренфридо на смертном одре открывает родичам, в чем заключена наиглавнейшая опасность для семейного очага 61

Глава восьмая

о шахматном бесе, появившемся в Европе в годы царствования великих императоров и королей 69

Глава девятая,

в которой обнаруживается таинственная подоплека великих чудес нашего мира 80

Глава десятая,

в которой речь идет о подлинных автоматах 90

Литературно-художественное издание

Садовяну Михаил

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАХМАТ

Для младшего и среднего школьного возраста

Редактор *Л. Ф. Верниковская*

Художник *Д. Е. Дивин*

Художественный редактор *Ю. С. Сергачев*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Оператор *Ю. Л. Верлыго*

Компьютерная верстка *Т. В. Гончарик*

Подписано в печать 24.04.97. Формат 84 x 108/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура Кудряшевская. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,46.
Уч.-изд. л. 3,62. Тираж 5000 экз. Заказ 1778.

Государственное предприятие издательство "Універсітэцкае" Государственно-
го комитета Республики Беларусь по печати. Лицензия ЛВ № 9. 220048,
Минск, пр. Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МПЦО
им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

— Преславный царь, — начал мудрец с поклоном, — я принес тебе игру, называется шахматы... Вот доска, состоящая из шестидесяти четырех квадратных клеток двух цветов. По обе стороны усаживаются два игрока: каждый располагает в два ряда свои фигуры — короля, советников, конников и простых воинов. У одного их шестнадцать и у другого шестнадцать. У каждой фигуры свои движения и свои права, как и в твоём царстве. Передвигая по очереди фигуры, игроки стараются ослабить противное войско и уничтожить его.

— Что ж, все это очень занимательно, мудрый брамhin, — ответил царь. — Научи меня этой игре.